Кадетская
ПЕРЕКЛИЧКА

№ 7
1973

КАДЕТСКАЯ ПЕРЕКЛИЧКА

Периодический журнал Объединения Кадет Российских
Зарубежных Кадетских Корпусов, Нью-Йорк, США

№ 7 Нью-Йорк 1973

Художественная обработка А. Н. Родзевич

"CADETS ROLLCALL"

Periodical Magazine (3-4 issues yearly)
Published by Association of Russian Cadets graduated
outside of Russia, Inc.
New York, USA

Subscription price $2.00 USA per single copy
$5.00 USA for one year

Managing Editor
Paul Olferiev
4187 Frame Place.
Flushing, N. Y. 11355 U.S.A.

ОГЛАВЛЕНИЕ

С получением №7 журнала исчерпана подписка на 1973 год (За год выпущено три номера: 5, 6 и 7). №8 будет выслан подписчикам, которые внесут подписную плату своему Представителю или пришлют Редактору.

Подписная плата на год:
$7.00 U.S.A.

Цена отдельного номера:
$2.60 U.S.A.

Чеки и денежные переводы выписывать на:

Association of Russian Cadets, Inc.

и посылать по адресу

P. Olferiev, 4187 Frame Pl., Flushing, N. Y. 11355, USA.

На складе имеются:

"Кадетская Перекличка" №№ 2, 3, 4, 5, 6. Цена за номер	$ 2.00
№1 распродан	
"Кадетские Корпуса за Рубежом" цена с пересылкой	$10.50
Б. Пылин "Первые 14 лет"	$ 4.00
И. Автамонов "Рагнеда"	$ 5.00
И. Автамонов "По дорогам"	$ 5.00

Пожертвования в фонд "Кадетской Переклички" принимаются с глубокой благодарностью.

Подписывайтесь и привлекайте новых подписчиков!

ОФИЦИАЛЬНЫЕ СООБЩЕНИЯ

СОВЕЩАНИЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ОБЩЕ-КАДЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ И ОБЪЕДИНЕНИЯ КАДЕТ РОССИЙСКИХ ЗАРУБЕЖНЫХ КАДЕТСКИХ КОРПУСОВ В НЬЮ-ЙОРКЕ

Представители О.К.О. и О.К.Р.З.К.К., уполномоченные для ведения переговоров о слиянии этих двух организаций, после ряда совещаний единодушно согласились о желательности соединения всех кадет в одну общую кадетскую семью. Принимая во внимание, что обе организации уже долгое время существуют отдельно и каждая имеет свои обязательства и финансы, совещание представителей предлагает общим собраниям организаций утвердить следующее временное соглашение:

1. ОКО вступает в состав ОКРЗКК как отдельная секция.
2. Сохраняется Правление Секции: Председатель, Секретарь и Казначей.
3. Председатель и Секретарь Секции вступают равноправными членами в Правление ОКРЗКК.
4. Организации сохраняют отдельные кассы.
5. "Особый Фонд" остается при Секции на прежних основаниях.
6. Секция и ОКРЗКК сохраняют право на свои семейные встречи и общие собрания для выборов должностных лиц и решения вопросов, связанных с денежными затратами. Вопросы общего значения решаются на Общем Годовом Собрании всеми с одинаковым правом голоса.

Совещание представителей надеется, что в течение года правления организаций предпримут дальнейшие шаги к более тесному объединению.
12 марта 1973 г.
Нью Йорк

Представители ОКО:
В. Высоцкий
В. Крюков
Представители ОКРЗКК:
Н. Козякин
Н. Боголюбов

Общее Собрание О.К.О. 17-го Марта 1973.
Санкционировало рекомендацию.

Председатель Общего Собрания
Л. Градский

Секретарь Общего Собрания
Михаил Михеев

Общее Собрание О.К.Р.З.К.К. 25 марта 1973.
Единогласно приняло предложение Совещания.

Председатель Общего Собрания
А. Росселевич.

Секретарь Общего Собрания
М. Михеев.

ЧЕТВЕРТЫЙ СЪЕЗД
КАДЕТ РОССИЙСКИХ ЗАРУБЕЖНЫХ КАДЕТСКИХ КОРПУСОВ

Состоится от 3 до 11 августа 1974 г. в гор. Сан-Франциско, Калифорния, США.
По всем вопросам, касающимся Съезда, обращаться по следующему адресу:

G. K. TELIATNIKOV
285 — 12th Ave., San Francisco, Cal. 94118, USA.

В ответ на призыв, напечатанный в №4 «Кад. Переклички», и обращение Президиума 3-го Съезда ко всем Объединениям, поступили следующие пожертвования на ремонт Памятника русским воинам на Белградском кладбище:

От Объединений:

Венецуэла	150
Лос Анжелес	25
Монреаль (Канада)	100
Нью Йорк	150
Чикаго	100

От отдельных лиц: (в порядке поступления) Г-жа Л. Н. Дурилина — 5, М. Потоцкий — 10. Е. Богаевский — 5, П. Пагануцци — 20, А. Новосильцев — 10. М. Егоров — 10, А. Карпов — 10. Е. Куновская — 5. А. Таликовский — 10. Мих. Михеев — 10. Л. Сердаковский — 5, Н. Козякин — 10, Б. Дьяков — 10, К. Евреинов — 10. В. Логвинов — 10, М. Кашин — 10. Д. Яницкий — 10. С. Савицкий — 20, К. Кокачев — 10. Н. Квятковский — 15. А. Егупов — 10. В. Сташевский — 20. Г. Козлов — 15. Н. Тарасов — 10, А. Левандовский — 15, Кн. Т. Багратион-Мухранский — 10. Е. Гирс — 10. С. Милошевич — 10, Н. Жемчужников — 10, Г. Кованько — 10, Н. Мурзин — 5. А. Иордан — 10, К. Егупов — 20. К. Васильев — 10, С. Джамбинов — 10. Д. Саринов — 10, А. Мальчевский — 10, П. Зеленский — 10. Г. Сперанский — 12, Н. Донцов — 10, Д. Потемкин — 15, Н. Боголюбов — 15, П. Жарков — 6, Г. Ламзаки — 10, А. Корсаков — 10, П. Генин — 10, Н. Левшин — 10, С. Муравьев — 10.

Всего собрано: 1048 долларов.

Послано о. Виталию Тарасьеву 1000 долл.

Сбор продолжается!

НА СМЕРТЬ КОРОЛЯ-МУЧЕНИКА АЛЕКСАНДРА I.

Пред гробом Монарха проходит народ
В сознаньи тяжелой утраты,
Рыданье то стихнет, то снова растет
Под сводом дворцовой палаты...

Там, — в желтом гробу, их любимый Король,
Всю жизнь посвятивший народу,
Исполнивший смело великую роль
В борьбе за святую свободу.

В кровавых сраженьях всегда впереди,
Примером солдат вдохновляя,
Он армию вел на тернистом пути,
С ней радость и скорбь разделяя.

Едва искупились победной ценой
Труды и лишенья похода, —
В Державу, согласно с заветной мечтой,
Он слил три славянских народа.

Уверенно правя рулем Корабля.
Он вел его к славе и счастью,
И каждый крестьянин любил Короля,
Гордясь справедливою властью.

Но зло не дремало в подполья своем
и строило дерзкие козни,
Свивая гнездо для борьбы с Королем
В искусно подстроенной розни.

Народный парламент, раздором кипел,
Беда отстояла на волос....
В то грозное время, как гром, прогремел
Монарха решительный голос.

Он дал государству желанный покой
И спас от дробленья на части:
Парламент распущен монаршей рукой, —
И стихли крамольные страсти.

С тех пор племена трехименной земли
В одну "Югославию" слиты,
И вскоре враги убедиться могли,
Что все их надежды разбиты....

Престиж Югославии сказочно рос:
С ней стала Европа считаться
И прежде тяжелый, "Балканский вопрос"
Теперь начинал разрешаться.

Почти не живя для любимой семьи,
В заботах о пользе народной,
Король объезжает владенья свои
Так запросто. в форме походной.

Пройдет ли селом беспощадный пожар,
Несчастье ли в шахте случится, —
Он шлет пострадавшим свой денежный дар,
И словом утешить стремится.

Не раз покидал Он пределы страны,
Чтоб распри Европы мятежной
И грозную тень назревавшей войны —
Развеять улыбкою нежной....

Преследуя ту же высокую цель,
Он едет к Лебрену с визитом....
Но встал на пути злополучный "Марсель" —
Пал Рыцарь, сраженный бандитом....

И вот — перед Гробом проходит народ,
Волненьем и горем объятый,
Рыданье стихает и снова растет
Под сводом дворцовой палаты....

Октябрь 1934. Диакон Николай Кадьян.

ВО ДНИ ВОЙНЫ *)

Когда началась Вторая Мировая Война, для меня она была именно второй войной; годы 1914-18 слишком глубоко врезались в память и забыть их невозможно. Но я не собираюсь описывать подробно и последовательно все годы второй войны. Мои воспоминания представляют собой отдельные отрывочные записи о том, что пришлось видеть и пережить в это тяжелое время.

Вначале жизнь мало изменилась, хотя сразу появились карточки почти на все. Отчасти ограничения начались еще до начала войны: была, например, ограничена покупка мяса, но постепенно выдача продуктов питания и разных товаров уменьшалась все больше и больше. К концу войны стало совсем плохо и постоянно хотелось есть. Было просто «голодно и холодно».

В то время я жила на родине моей матери, в городе Альтенбурге, в Тюрингии. Это бывшее герцогство Саксен-Альтенбургское. Со мной жила камерфрау матери, Эмма Карловна Шадевитц, по прозвищу «Ата». Года через четыре она скончалась и ее заменила фольксдейче из Словении, Ольга Тотчай.

В одном из подвалов замка Альтенбурга, во флигеле которого находилась моя квартира, устроили бомбоубежище, кото-

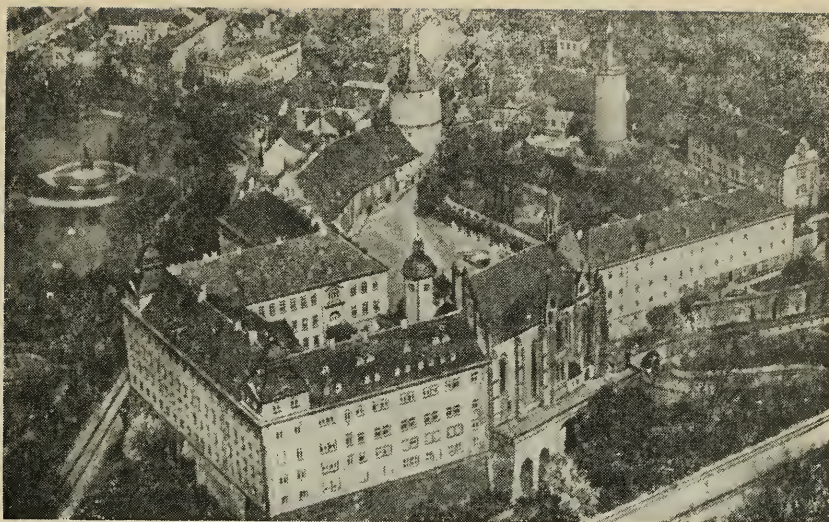
*) Воспоминания Ее Высочества Княжны Веры Константиновны.

рым любило пользоваться городское население, хотя в самом городе находился прекрасный и глубокий, средневековый подвал. В замке подвал со стороны двора был под землей, но окном выходил в город и там защиты не было, т. к. над площадкой было открытое место; замок стоит на горе и, конечно, окно было высоко над землей. Запасная лестница, в конце довольно длинного коридора, была достаточно далеко и в случае паники и давки уцелеть было бы довольно трудно. Лучше было оставаться дома; что будет, то и будет, от судьбы не убежишь!

Еще до войны я хотела принять участие в бомбозащите — «луфтшутц» (защита воздуха — а по выражению одного моего родственника «луфтшмутц», т. е. «воздушная грязь»). Как иностранке, мне в этом отказали, но когда дело дошло до военных действий, то взяли и посадили на телефон. На мой вопрос: «Как же так, я ведь иностранка?» — был ответ: «Ничего, идите!»... Телефон так и не вступил в свои права, а я ходила в подвал лишь в крайнем случае, когда «наверху» становилось слишком неуютно. Раз, как-то, выйдя из дома, увидела на небе лучи прожекторов и невольно стало страшно. Я сама себя выругала и страх прошел. В бомбоубежище говорили, что если я пришла, то это значит, что творится что-то серьезное.

На Альтенбург было всего два-три налета и пострадала лишь пара зданий. В одной вилле жила мать с двухнедельным младенцем, бежавшие из Берлина. Как раз туда попала бомба и убила обоих, причем от младенца не осталось и следа. Их квартирантка в последнюю минуту пошла в подвал и только была ранена в голову по пути вниз. Дом этот, постройки 1880 г., был легкой конструкции, в один кирпич.

Моя старенькая «Ата» впала в детство и мало что соображала. Она была родом из Альтенбурга и приехала в Россию с моей матерью в 1884 г. и так всю жизнь с нами и провела. Как-то раз ко мне приходят и говорят, что несмотря на затемнение, окна освещены. Оказывается, это бедная Ата открыла занавески и свет выходил из ярко освещенных окон. Ата ничего не понимала и все спрашивала, где же война? От волнения и раздражения я не могла спать и, вместо сна, прочла книгу капитана Прина о его пиратских плаваниях в подводной лодке «У 9», как он прокрался в шотландский порт Скапа Флоу, высмотрев заранее свободный от мин проход, и «наделал много скверных дел» британскому флоту.

Замок Альтенбург с птичьего полета.

Сидим мы как-то в бомбоубежище. Вдруг затарахтела дверь. Выйдя после отбоя из подвала, мы увидели зарево пожара на севере, в стороне Лейпцига. Оказалось, что это его бомбардировали. Я заметила, что если эта дверь тарахтит — значит, плохо Лейпцигу. Вероятно, в том месте проходила какая-то жила, по которой передавался далекий звук.

Примерно в 1933-34 г.г. я прошла курс первой помощи при германском Красном Кресте, где состояла членом. Во время войны, около одного раза в неделю, главным образом по воскресеньям, я помогала в кантине Красного Креста на вокзале. Альтенбург, это железнодорожный узел на магистрали Берлин-Лейпциг-Мюнхен, первая остановка скорых поездов после Лейпцига, в 50 клм. от последнего. В кантине, только для военных, раздавали суп и поддельный («эрзатц») кофе и чай, очень похожие один на другого, и я как-то перепутала и в одну кружку влила и того, и другого, но солдатик все же заметил и спросил, что он такое получил. Пришлось сознаться. Чтобы не пить этот поддельный эрзатц-кофе, всю еду за день смешивали и на утро варили «тюрю». Раз я положила туда и сладкое, но даже и в голодное военное время было нельзя есть эту смесь.

Выходили мы и к поездам с кружками в подставках, разносили чай и кофе военным, а бедная штатская публика только

облизывалась. Раз меня спросил один офицер, знаю ли я аптекарский магазин Ханзена: — «Еще бы, всегда там покупаю!» (Прекрасный был магазин). Офицер оказался их родственником и передал для них пакетик, которому Ханзены обрадовались, т. к. их близкий никогда им не писал. В другой раз пришел поезд с беженцами из разрушеннаго Гамбурга; в теплушках ехали полуголодные люди, один старичек потерял рассудок... Рассказывали про одну пожилую чету, разъединенную во время эвакуации из Гамбурга, но совершенно случайно им удалось встретиться в Халле-ан-дер-Заале, старинном городе около Лейпцига.

В конце войны пришел санитарный поезд с людьми, пострадавшими от русского «генерала Мороза». Бедные, обмороженные люди!.. Затем помню, как в одном поезде везли арестованного красноармейца. Он лежал на скамье, один в купе, и вид у него был очень несчастный. Говорили, что будто бы он кого-то изнасиловал. Его конвой, вероятно, видел сожаление на моем лице, но... «Что Вы хотите, ведь это только русская свинья!» У меня внутри, понятно, так и закипело. Вспоминается также лагерь советских военнопленных под Альтенбургом, в котором оклоо 1000 бойцов погибли от голода. Я как-то послала туда посылочку через бывшего русского офицера, служившего у немцев, сказав что это «от белой русской». Если бы не этот офицер, посылка не дошла бы...

В воскресенье, 22 июня 1941 г., часов в 8-9 утра мне позвонил по телефону мой сосед, майор, и сообщил о германском наступлении на СССР. Я, по своей наивности, думала что это конец коммунизму. С одной стороны радовалась, когда их били, с другой же — ныло сердце и думалось, что ведь это русская земля... Когда немцы подошли к Питеру, не закрывала радио и все ждала сдачи города... но чувствовала, что не все ладно — война затягивается. Живя вдали от русских, ничего не знала и ни в чем не разбиралась. Дядя мой, брат матери, спросил меня как-то по телефону, где, мол, мое предсказание о победе через три месяца? Но по телефону ничего нельзя было объяснить, хотя тогда я уже знала, в чем дело.

Скоро прибыли первые партии «остов» и меня просили быть переводчицей, сперва на большом заводе и на двух маленьких фабриках, игральных карт и шерсти. Через несколько месяцев осталась на заводе Хазаг (Хуго Шнейдер А. Г.). Там работало много тысячь русских, украинцев, белоруссов, поляков, югославов, итальянцев, французов и фольксдейче, всего

9 наций. Было три кухни для иностранцев, французская, польская и русская. Потом русская была посередине и кормили весьма прилично. В мое первое выступление надо было объяснить систему воздушной тревоги. Я поздоровалась: «Здравствуйте, господа», выскочило у меня. «Хороши мы господа», — говорили «осты» друг другу, как мне передавали. Мне нужно было проверить одну петербургскую немку, бывшую замужем за немцем и недавно овдовевшую. Фрау Томашке довольно основательно забыла русский язык. Я ее хорошо знала и план директора тайно ее проверить провалился, а моя коллега обрадовалась, увидев меня.

На меня напала тоска по родине, при виде своих же, русских: из Винницы, Киева, Курска с их областями. Особенно сильное впечатление произвели деревенские мальчишки и их чисто русский язык, не наш эмигрантский. Просилась сопровождать транспорт больных на родину, но начальник лагеря, крупный СС, не пустил: — «Что мы будем делать без Вас?» — спросил он меня и был прав. Он зверствовал в Польше, вместе со своим шофером, но все же говорил, что если в лагере работают иностранцы, то всех, вместе с немцами, должно кормить одинаково, не делая разницы. Своего он так и не добился. Впоследствии он был замешан, вместе со своей «подругой», в краже продуктов предназначенных для детской кухни рабочих завода, и покончил с собой, выпрыгнув из окна, кажется, второго этажа, через стекла. Но начальник он был хороший и имел авторитет. Директором завода был бывший морской офицер, Альфонс Вихельхаузен, которого фольксдейчи прозвали «Вихельфонс». Симпатичный и не нацист, в Первую Мировую Войну он был артиллерийским офицером на знаменитом «Гебене». Ему очень не понравилось и он поморщился, когда я ему сказала, что если бы не туман, то наши старые линейные корабли раскатали бы Гебена в пух и прах.

Были среди наших земляков и свои переводчики. Главной оказалась Виктория. Муж ея, родом из Казани, был противный, про него говорили, что это типичный милиционер и может кого угодно убить. Виктория была прелестная особа; в лагере у нее родилась дочка, которую она хотела крестить. Мужу было все равно, а начальник лагеря разрешил. У меня, как раз, гостил о. Михаил Яшвиль, и на моей квартире, в серебряной миске стиля чистого ампира, маленькую Валентину крестили. Восприемницей была Валентина Маркова, лагерный доктор, очень милая. Но в другом лагере родителям объявили,

что много и немецких детей есть некрещеных и не позволили.

Как-то раз я шла с Викторией через мост над железной дорогой, соединяющий завод с пригородом. Оттуда виден замок и Виктория спросила меня: — «Вера Константиновна, Вы замужем?» — «Нет», отвечаю. — «Как же мне говорят, что Ваш муж принц и занимает здесь большое место?» — «Это», отвечаю, «не мой муж, а дядя, брат матери, который был тут герцогом и жил вот в этом замке». Другая «остиха» вдруг ослепла, а потом также внезапно прозрела. Окулист думал, что она симулировала; это казалось возможным, — она слишком уверенно шла со мной, когда я водила ее к врачу.

От туберкулеза легких умерла одна женщина, кажется ее звали София. В крематории собрались ее подруги и я прочла им Отче Наш; они сказали, что иначе никто бы не помолился о ней. Пришел доктор, спросил причину смерти и моментально всех нас выгнал. Вспоминается и другой случай, — были у нас в лагере дядя с племянником, оба интеллигентные, инженеры. На одного из них наехал грузовик и убил на месте. Родственник просил меня снять фотографию, но без вспышки ничего не вышло, а ждать было невозможно, т. к. труп уже разлагался.

Подошла Пасха 1942 года, меня вызвал по телефону местный подотдел Гестапо и просил устроить церковную службу. Я ответила, что, как будто, я человек интеллигентный и у нас это сделать нельзя, церковную службу может служить только священник. Минут через двадцать Гестапо опять повторило свою просьбу, повторив мои же слова об интеллигентности. Я подумала, что это ловушка, но все же согласилась. Вице-начальник лагеря, штаб-фельдфебель Андре, хмурился: «Кто к вам придет, хорошо если человек двадцать!» — Но когда всю комнату украсили зелеными растениями и покрыли длинный стол простыней, то пришел весь завод и еще «дивчата» из соседнего. Они всю ночь пели Христос Воскресе и вычистили свое помещение, как никогда еще не бывало, и немцы удивлялись: хоть бы всегда так было! Я прочла Апостол и Евангелие и сказала им, что они представители России и должны помнить это и вести себя соответственно. Закончила словами «Христос Воскресе». Соседи пели канон и не давали говорить; потом все бросились христосоваться. Андре глядел на происходящее зверем. Вообще я его симпатией никак не пользовалась. У меня с ним, между прочим, произошло недоразумение из-за непонятого приказания; он мне чем-то угро-

жал, на что получил в ответ: «Дас ист мир вурст» (это «колбаса», т. е. мне это все равно). Когда я уходила домой, мне вдогонку крикнула одна милая женщина из под Курска: «Спасибо за доброе отношение!» — «Слава Богу, свои люди», ответила я ей. «В том то и дело», сказала она. Тут-то и была ловушка: Гестапо не нравилось мое отношение к «остам». Эта бедная женщина имела в России 6-тилетнюю девочку и пошла в город за хлебом. Ее по дороге схватили немцы и забрали вместо учительницы, которая сумела откупиться от отправки в Германию. Она даже не могла дать знать домой. Как она плакала и просилась, чтобы ее отправили с транспортом больных! Их и всего-то было 2-3!

В это пасхальное время вошла я в барак, каменный, предназначавшийся для одного из цехов завода, и вижу, что одна из женщин спекла кулич и спорит с другой, хохлушкой: это же кулич, да что ты, это пасха... Тут-то я и узнала разницу между куличем и пасхой, что из них, как и где называется.

В один прекрасный день, без отпуска, мой двоюродный брат Фридрих-Эрнст Саксен-Альтенбургский и Ольга Тотчай отправились к ней на родину в Целье, в Словении. На обратном пути долго ждали ночью на вокзале, опасаясь партизан. Вернувшись в Альтенбург, фрау Томашке предупредила меня, что я снята с должности переводчицы, что было результатом пасхальной службы. Меня перевели в почтовое отделение лагеря; там проходили все 9 наций лагеря и было интересно. Начальник был ярый СС и шпион. Он был туберкулезный и плевался в бутылку. Коллегой моим был длинный солдатик-инвалид с простреленной, изувеченной подошвой ноги. Был он глупый, но милый; любил бутерброды с кониной, которую на карточки давали вдвое больше другого мяса. Рассказывал, что лежа в лазарете, кажется в Великих Луках, хотел пофлиртовать с русскими сестрами милосердия, но успеха не имел. По сравнению с очень легкомысленными немками, наш народ оказался чистым, хотя его во многом испортили заводы и фабрики.

Запомнились многие, кого пришлось встретить в те дни. Помню польского мальчика, лет 9-ти; уснув ночью, на заводе, над машиной, попал в нее руками и остался без пальцев... Помню также польку, бывшую монашку или послушницу, которая совершенно совратилась и ходила в брюках. Я спросила ее: «Вы мужчина или женщина?» Ответила, что днем — мужчина. Однажды подошла к окну почты маленькая девочка, лет

5-6-ти. Спрашиваю: «Ты в Бога веруешь?» — «Верую», — «Молитвы знаешь?» — «Знаю». — «Кто же тебя научил?» — «Бабуська научила». То же было и в Дрездене, куда я поехала говеть и к врачу гомеопату. Стою в Вербное Воскресенье на клиросе, а рядом со мной девочка-подросток. Звали ее, кажется, Ксения; так мала ростом, что недостает до аналоя, но часы читает как монашка. Научила ее мама, которая погибла во время знаменитого налета на Дрезден.

В Лейпциге заутреню служили утром, из-за ночных налетов; Гестапо позволяло ставить одну общую свечу «из-за опасности пожара» и вообще запрещало «остам» ходить в церковь, но они шли толпами. На клиросе пела женщина с хорошим голосом, из Питера. Узнав, что мы землячки, расплакалась. А с последним транспортом в Альтенбург приехали царскоселки. Как мы друг другу обрадовались!.. У меня еще хранится их подарок, — черный жгут для косоворотки.

В Альтенбурге существовал более 200-250 лет институт благородных девиц, «Фрейадлигес Магдаленештифт», с которым у меня были дружеские отношения, как с ученицами (штифтскиндерами), так и с учительницами. Сперва я проходила там историю искусства и гимнастику, а уже после школы ходила на хоровое пение и на частные уроки гимнастики. Кажется в 1943 г. объявили тотальную войну и все население Германии должно было работать на заводах, в поле и всюду, где было нужно. Меня перевели на самый завод; также и всех артистов и певцов театра, которые сперва пошли на ночную смену, а потом куда-то скрылись. Я хотела быть с ними, как с более культурными людьми, чем простые рабочие, но наш семейный и в то же время заводской врач устроил мне только дневную смену, из-за слабого зрения. Я родилась близорукой; как следствие этого, у меня отделилась сетчатка правого глаза и он ослеп, т. к. в 1935 году еще не умели оперировать сетчатку так, как теперь.

Я решила не уклоняться от работы на заводе, чтобы посмотреть, как живут рабочие, а может быть и помочь своим. Кроме того, в маленьком городе все меня знали и могли подумать, что я уклоняюсь. Что касается школы-института, то нацистам не нравилась чисто дворянская школа. Ее закрыли и устроили в ней приют для сирот СС, но в итоге там оказались только, кажется, две сироты, а остальные были дети рабочих и др. Это были очень хорошие и воспитанные дети. Примерно в это

же время, начальница Института (Штифта) спросила меня, не согласна ли я принять к себе кажется 9 учениц, которые должны были сдавать экзамены на аттестат зрелости. Я с радостью согласилась. Места хватало — было 5 очень больших комнат: кухня с ванной, еще четыре комнаты, включая «зал», занимавший всю ширину дворца «Принципале» — 12 м. длины и 5 м. ширины. Там было дневное помещение и гардероб, а спали в другой комнате. Это вышло очень удачно и мы жили весело, но не долго. Чтобы они не попали на завод, родители отозвали своих дочерей домой в имения, где записали их как сельскохозяйственных работниц. Это совпало с 20 июля, днем покушения на Гитлера: среди учениц была фон Трота, фон Шуленбург и еще одна родственница тех, кто так неудачно организовали этот заговор. Имея собственную квартиру и домашнее хозяйство, я могла подать прошение о работе на половину дня и это мне сразу разрешили: прием ко мне школьниц произвел благоприятное впечатление на власть имущих.

В один дождливый вечер, в четверг, позвонил телефон. Это были деятели «Общества бывших деятелей Российского Красного Креста», в котором я была председательницей. Приехали вице-председатель, генерал фон Лампе, полковник фон Гаусман и поручик Дуплев с женами, которые покинули Берлин, где становилось все страшнее от налетов. Приехали они ко мне по дороге к Власову, в Карлсбад. Сперва они устроились у меня, позднее перешли в гостиницу; им разрешили остаться благодаря мне, хотя выставленный повод спасения Красного Креста был очень прозрачным.

На заводе работы почти не было. Мой цех изготовлял пули для аэропланных пулеметов, 13 мм., светящиеся. В пустую гильзу надо было вставлять маленькую ампулу с фосфором; длинные ящики с этими ампулами сильно пахли фосфором и мне нравился этот запах. Затем клалась наклепка из папки, а сверху металлическая 8-миугольная шапочка, которую штамповала машина. Гильзы были то слишком длинные, то короткие. Полагалось класть лишь одну наклепку, иначе могла быть осечка. Как-то мне удалось положить несколько папочек, а контроля не было. Сижу у машины и штампую «шляпы», да думаю: моя шальная пуля не убьет союзника, а немецкая семья осиротеет, если же моя пуля убьет «другого», то его семья осиротеет. Как ни крути, кто нибудь да пострадает! Но решила — не стоит рисковать концентрационным лагерем.

В моем цехе «остов» не было, только один раз они к нам попали не надолго. Было ясно, почему меня с ними не устроили.

Налеты учащались. Как-то после обеда, американцем или англичанином был сбит немец, учащийся и не вооруженный, из Мюнхена. По тревоге все кинулись кто куда и я оказалась в мужской латрине. Одновременно с учащением налетов, становилось также и голоднее и мысли об еде не выходили из головы. Сидела у станка, выдумывала вкусные блюда и додумалась: бульон с лапшой, венский шницель с картофельным пюре и горошком, или с зелеными стручками, да шеколадный пудинг.

В один прекрасный день меня вызвали в контору. Я, конечно, испугалась, стала думать, что же я натворила? Но мне вдруг объявили, что Вы, мол, освобождены от работы. Спрашиваю, могу ли идти? Нет, по контракту еще надо проработать две недели, или 18 дней, не помню. Через неделю меня все же освободили. Впоследствии генерал Лампе рассказал мне, как ему удалось мое освобождение. Пошли они все трое к начальнику труда — «арбейтсамта»: идет Дуплев, просит доложить, что лейтенант фон Дуплев хочет говорить с начальником. Войдя к нему, заявил что с начальником хочет говорить хауптман (или оберст, не помню) фон Гаусман, а Гаусман сказал, что пришел генерал фон Лампе. Можно себе представить такую картину! Алексей Александрович Лампе, мой большой друг, сказал что, мол, такая-то работает на таком-то заводе. «Да, кажется переводчицей», был ответ. Я до сих пор не знаю, говорил ли этот человек правду, или имел неправильные сведения. Все было возможно!

Еще в бытность мою на почте Хазага, вызвали меня однажды переводить; забыли, что нельзя, повидимому! Была там такая Валя, просто шпионка, но я это сообразила уже позже. Расспрашивали ее о разном и, между прочим, знает ли она о том, что такое Гестапо. Она ответила, что не знает. Чиновник Гестапо вышел и я говорю Вале, что это то же, что и Гепеу, только по-немецки, и повторила это гестаписту. Тот вздрогнул и сказал, что ведь организация совсем другая. С этим я всецело согласилась и тут же перепугалась. Выйдя из помещения, несколько раз перекрестилась и подумала, что если через неделю буду жива, то значит все прошло благополучно. Так и было, следователь не выдал, оказался приличным. В другой раз, когда я была еще переводчицей, сопро-

вождала одну «остовку» в Берлин, куда она перевелась поближе к своим родственникам или друзьям. Вообще, пантофельная почта работала замечательно и наши знали друг о друге и находили своих.

Помню хитрого мужичка из брянских лесов. У него, каким-то образом, оказалась новая немецкая железнодорожная фуражка, еще императорских времен. И усы у него были большие и хоть куда! Спрашивал меня про Государя, про Царевен, помню ли я Наследника. Ему было лет 40-50 и он интересовался многим из прошлого.

Под самый конец войны за обедом чувствовалось волнение и все громко разговаривали: это был день высадки в Нормандии. Мне один француз говорил, что война скоро кончится, только я ему не поверила. Американцы вошли в Альтенбург 15 апреля; это были танковые части и они вели себя прилично, хотя все же видела пьяного Джи-Ай, сидящего на улице со шлемом на голове и с бутылкой шампанского в руках. Я чуть не плакала, видя как население стало грабить магазины, и думала — как им не стыдно! Но они оказались правы: в запасе было много хорошего товара, но его не выдавали, а меняли на продукты у зажиточных крестьян. За несколько времени до капитуляции военные власти предложили выдавать их запасы на продуктовые карточки. Получив отказ, открыли склады на официальный грабеж. И это был грабеж, да еще какой! И у армии, и у авиации, оказались запасы для наступления на восток, от мяса до шампанского и сумок для женских частей, хранилось решительно все. Была и горькая патока, «моляссы», для лошадей, что ли! Ее брали во что попало. Видела картину: кто-то из насельников замка (в нем было 36-38 квартир) тащит по горе «Шлоссаффарт» (подъем к замку) тележку с двумя центнерами сахара. Кто же ему помогает? Янки! Но его скоро отозвали.

Лагерь Хазаг «репатриировали». Вероятно за колючую проволоку, а дальше??? Спросила одного, интеллигентного: «Что же с вами будет?» — «Плохо», отвечал. «Да вы же не добровольно поехали?» — «Все равно».

Так кончилась война. Знаю только про одну семью из лагеря Хазаг. она теперь в Канаде. Жена сломала руку, которая сильно болела, а когда меняли гипс, нашли гнездо вшей... Хотелось бы знать жива ли Виктория и маленькая Валя, которой было бы сейчас под 30 лет, да д-р Макарова и еще пара с сыном Валей. Они приехали ко мне на автомобиле с совет-

ской звездой на дверце. Купили для своего Вали мой маленький, но хороший аккордеон. Не хотела брать с них денег, но всучили больше, чем надо. Бедный наш народ! Как он не понимал, что можно иметь деньги в банке и понемногу выплачивать мебель и другие вещи. Несмотря на запрет, они ходили в гости по частным квартирам, были также и у меня. Как раз шпионка Валя и другая с ней читали стихи К.Р. и удивлялись его патриотизму. Одну «остовку» навестила в больнице и рассказывала ей, как мы мечтаем о России и любим ее. Она слушала меня и все удивлялась.

Встречая наших русских на улице, а их легко можно было узнать и по типу, и по одежде, — спрашивала их: «А как там у нас на родине?», и как-то получила в ответ: «Да, если бы Гитлер не делал таких ошибок, война кончилась бы через три месяца!» Один раз встретила я женщину с пучком рябины в руках и спросила ее, на что она ей. Сказала, что у ее мужа высокая температура и она хочет заварить чай, чтобы спустить жар. «Интересно», сказала я ей, — «надо это иметь ввиду. А Вы откуда?» — «Из Киева». — «А муж?» — «Муж из Киева, а я родилась в Москве». — «То-то», отвечаю, — «у Вас совсем другой говор». И сама себе удивилась: мне было 12 лет, когда я покинула Россию, но все же я заметила разницу в речи.

Так прошла Вторая Мировая Война. Здесь я описала только то, что видела своими глазами и то, что творилось вокруг меня там, где я жила. Да сохранит нас Господь от Третьей войны, хотя в сущности она уже давно началась...

НЕОЖИДАННАЯ И НЕЗАБЫВАЕМАЯ ВСТРЕЧА

Несколько лет тому назад, я в качестве повара работал у м-м Кусевицкой, Ольги Александровны. Она каждое лето, на 2-3 месяца переезжает из Нью-Йорка в свое обширное имение "Seranak", где имеет и больших размеров барский дом.

В описываемое мною время, кроме других близких ей лиц, с нею жила и ее сестра Анна Александровна — Ее Сиятельство Герцогиня Лейхтенбергская. К ней часто приезжали ее замужние дочери, с их детьми. Дети очень любили (кушать) печенье из овсяных хлопьев (маленьких и тоненьких кружочков).

Читателям «Кадетской Переклички» нужно знать, что после смерти своего мужа С. А. Кусевицкого — всемирно известного, знаменитого дирижера и создателя Бостонского оркестра в штате Массачузетс, США, Ольга Александровна основала фонд его имени и состоит главным директором-распорядителем этого фонда. Он имеет отделения во многих государствах мира.

Каждое лето Ольга Александровна устраивает музыкальные концерты в «Танглвуд». Это место находится вблизи ее имения и недалеко от города Lenox. После вечерних концертов О. А. устраивает "party" для студентов-музыкантов.

Ее часто посещают лица известные не только в музыкальном мире, но и занимающие «высокое положение» (и посты) в Австралии, Аргентине, Южной и Северной Америке и Европейских государствах.

Однажды, в праздничный день около часа, мимо окна входной двери в кухню, где я находился, прошел, кем-то управляемый автомобиль. (О. А. авто управляет сама). Я только что вынул из электрической печки железные листы с овсяным печеньем. Положил их на стол, стоявший в широкой и длинной комнате-кухне. Я ожидал звонок, чтобы пойти и открыть приехавшим людям парадную, входную дверь.

Но звонка не было.

Вдруг, снаружи, кто-то открыл дверь в кухню. Я посмотрел и увидел, как вошли двое. Незнакомая мне дама и Ольга Александровна. При взгляде на лицо дамы у меня сразу мелькнула мысль, что где-то и когда-то я уже видел лицо — сильно похожее на лицо вошедшей дамы. Но я отлично помнил, что с этой дамой я никогда не встречался.

Приблизившись ко мне, вошедшие остановились... Ольга Александровна, не называя даму по имени, сказала: «Максим, работает за повара». «Незнакомка» (назовем ее так) протянула мне руку, чтобы поздороваться...

Еще в Австрии, до нашего приезда в Америку, чиновники ИРО нам советовали, приехав в Америку, не придерживаться обычая русских интеллигентов и, при знакомстве и рукопожатии, дамам рук не целовать: «В Америке — не принято... да американки не любят это»... говорили нам. Но приехав в Америку, при рукопожатии, я дамам руку целовал.

И до сих пор ни одна из них не выразила мне своего неудовольствия... Мое описание этой неожиданной встречи заняло продолжительное время. В действительности же все произошло так быстро, как работала моя мысль.

Продолжим описание... Осторожно, без пожатия, я взял протянутую мне руку и ее поцеловал. На совершенно правильном, прекрасном русском языке, дама обратилась ко мне с различными вопросами: нравится ли мне Америка и моя работа, не тяжела ли она для меня, был ли я поваром до приезда в Америку? — «Нет! не был. В прошлом я офицер Императорской армии!»

На ее вопрос, что я сейчас делаю — ответил, что приготовил детям овсяное печенье и сказал: «такого печенья у нас в России не было».

Мне показалось, что мой ответ заинтересовал «незнакомку». А ее свободное, простое и я бы сказал, даже ласковое обращение в разговоре со мной, давало мне право и возможность, предложить ей это печенье, чтобы она знала его особенный вкус. Я предложил ей взять одно печенье... Дама, немного удивленно посмотрела на О. А., потом на меня и... отказалась... Но я все же настаивал и просил: «возьмите, хоть самый маленький кусочек, пожалуйста»... Мило улыбаясь, дама снова смотрела, то на О. А., то на меня. И только тогда Ольга Александровна поддержала мою просьбу, сказав: «что если хотите попробовать, то возьмите маленький кусочек: печенье довольно вкусное... Весело глядя и продолжая улыбаться — «незнакомка» взяла маленький кусочек — и держала его в руке. (Это печенье запекается на бумаге, положенной на тонкие железные листы).

Вскоре дама пожелала мне легкой и хорошей работы. Поняв, что она собирается уходить, я счел нужным поблагодарить ее за «хорошее пожелание» и за ее посещение меня

на кухне... и сделал официальный-глубокий поклон, такой, которому нас всех учили в кадетских корпусах и Военных Училищах.

Около трех часов дня ко мне на кухню зашла Ее Сиятельство Анна Александровна Герцогиня Лейхтенбергская. Она спросила меня: «Максим, сегодня у вас на кухне была Вера Константиновна?» Я ответил: «Да! была». И, удивленно, добавил: «значит приходила Ее Высочество Княжна Вера Константиновна». — «А вы не знали этого?» — «Нет! не знал». — «Почему же моя сестра не предупредила вас?» — «Не знаю» — ответил я и сказал, что поэтому-то Ее лицо показалось мне таким знакомым и расказал все о нашей встрече.

Ко всему этому я должен добавить. Как офицер Императорской Русской Армии я отлично знаю, как должен себя держать при разговоре с особами Царственного Дома. Но к моему великому сожалению, я не знал, что имею счастье разговаривать с Ее Высочеством Княжной Верой Константиновной.

Если почему-либо Ее Высочество осталась недовольна моим свободным с Ней разговором, то я смею просить Ее Всемилостивейшего разрешения обратиться к Ней с большой просьбой и простить меня за мое несознательное упущение.

Вас, многоуважаемый господин Редактор, разрешите мне просить — напечатать это мое воспоминание и сделанную мною выписку из журнала «Донец» № 6, от 31-го января 1909 года.

"14-го декабря 1908 года. кадеты Донского Императора АЛЕКСАНДРА III кадетского корпуса в третий раз были осчастливлены посещением и пребыванием в корпусе Главного Начальника Военно-Учебных заведений Его Императорского Высочества Великого Князя КОНСТАНТИНА КОНСТАНТИНОВИЧА". Далее идет подробнейшее описание всего времени Его пребывания в корпусе. Редактор-издатель вице-урядник И. Г. Чекунов свое описание закончил следующими словами: "Своим обхождением, простотой в обращении. близостью — Его Императорское Высочество очаровал всех кадет. Надолго останутся в памяти их эти светлые. полные возвышенных, восторженных чувств минуты пребывания в корпусе обожаемого Августейшего Гостя, надолго, навсегда запечатлеется Его образ, внесший столько новых, сильных, неотразимых ощущений в повседневную. серенькую жизнь кадет".

В заключение нахожу нужным отметить точность и правдивость этих слов в.-урядника И. Чекунова — *«надолго, навсегда запечатлелся образ Его Императорского Высочества в памяти всех кадет»*. С тех пор прошло ШЕСТЬДЕСЯТ ПЯТЬ ЛЕТ . . .

МАКСИМ БУГУРАЕВ.
(Бывший вице-урядник Дон. Импер. АЛЕКСАНДРА III кад. корпуса. XXI выпуска 1910 года).

ПЕРВЫЙ КАДЕТСКИЙ КОРПУС.

ОЧАГ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ.

Первый Кадетский Корпус, или как он раньше назывался Сухопутный Шляхетский Корпус, был основан в 1732 году и в том же году в него поступил Александр Петрович Сумароков, основатель и первый директор Российского Императорского Театра.

В списках Первого Кадетского Корпуса значится много знаменитых русских имен, как напр. фельдмаршал Румянцев, композитор Дм. Бортнянский и многие другие.

В XVII веке, по словам Н. Н. Евреинова, перед русским народом появился театральный соблазн Западной Европы. При Алексее Михайловиче Симеон Полоцкий написал нечто похожее на драму («О царе Навуходоносоре»), а известный митрополит Феофан Прокопович создал что-то вроде трагедии о князе Владимире. При Алексее Михайловиче существовали на Руси странствующие — балаганные театры с женглерами, вожаками медведей и марионетками.

Царица Наталия Кирилловна (Нарышкина) была большой любительницей всякой театральной игры, и царь построил для этой цели специальную «хоромину» в Преображенском, а затем и в Кремле. Интересно отметить, что Наталья Кирилловна следила за всеми представлениями через решетку своей ложи. Царь Феодор Алексеевич был нрава строгого, боялся соблазна театра, который и был им упразднен, а имущество передано Никите Романову. Но Петр Великий, да и царевна Софья, унаследовали от отца любовь к театру: «Яблочко от яблони недалеко падает», писал об этом известный театральный критик Евреинов. Только другими делами был занят Великий Реформатор, и «Комедиальная храмина» воздвигнутая в Москве, просуществовала всего 4 года, а Ст. Петербург так и не получил постоянного театра.

Во времена Бироновщины в Петербурге всячески поощрялись немецкие труппы, но с восшествием на престол «дщери Петровой» императрицы Елизаветы, немецкую труппу распустили, и весной 1742 года в Петербурге, Серинып ставил трагедии Вольтера и комедии Мольера. Сама императрица усердно заботилась о поддержании интереса к театру среди своих

придворных, и, поскольку узнавала или сама замечала, что в театре было мало посетителей, «указать соизволила в оперный дом свободный вход иметь... обьего полу знатному купечеству, только бы одеты были не гнусно»!

И вот, на этих иностранных спектаклях присутствовали часто кадеты Сухопутного Шляхетского Корпуса, который и стал очагом, вокруг которого сформировался русский трагический театр. Кадеты также принимали сами живое участие в придворных празднествах и выступали со стихотворными поздравлениями своего сочинения. Начиная с 1735 года они уже принимали участие в балетных дивертисментах, да и, по мере надобности, кадетами пополнялся состав придворной балетной группы. В 1738 году в балетном классе корпуса уже обучалось «восемь кадетов». Для упражнения во французском языке в корпусе ставили французские спектакли.

Наконец бывший кадет корпуса А. П. Сумароков создает «Общество Любителей Русской Словесности» и это общество и явилось колыбелью русской классической драматургии и, в дальнейшем, русского театра. В Сумароковское время общество не раз посещал и молодой А. В. Суворов, читая свои переводы.

По свидетельству племянника Сумарокова театр был создан следующим образом: в 1749 году Сумароков написал трагедию «Хорев», в 5 действиях. На Святках кадеты сыграли «Хорева» у себя в корпусе. Приглашенный автор трагедии был настолько поражен успехом своего произведения и мастерством кадетской игры, что сразу же рассказал об этом событии графу Разумовскому, а последний немедленно доложил императрице. Елизавета Петровна пожелала чтобы кадеты повторили трагедию в дворцовом театре и спектакль состоялся в январе 1750. На другой день весь Петербург только и говорил о «Хореве».

Нужно отметить, что развитию театрального искусства в корпусе очень способствовал кн. Юсупов, долголетний директор корпуса, о чем существует запись императрицы Екатерины II. Открывшийся в феврале 1750 года «Придворный кадетский театр» просуществовал до 1752 года. Всего кадетами было сыграно 32 спектакля. Кроме того в день коронации императрицы 60 кадет участвовали в представлении оперы.

В 1751 году Сумароков написал оперу «Цефал и Прокрис», которая была исполнена также кадетами в 1755 году. Это была первая опера написанная русским, по-русски и разыграна пев-

цами-кадетами. Поэтому «Цефал и Прокриса» получила название «пробабушки русской оперы».

В работе А. Плещеева «Наш балет» говорится, что и балетные спектакли часто давались в Шляхетском Сухопутном Корпусе (начиная с 1735), а офицерам, по окончании, даже вносили в послужной список, что они хорошо танцуют. Таким образом не только драма, но и русская опера и балет должны считать Первый Кадетский Корпус своей колыбелью, а Сумарокова основателем, директором, режиссером и преподавателем актерского искусства в театре!

Приблизительно в то же самое время в Ярославле появились зачатки другого русского театрального центра. Это была группа «купеческого сына» Феодора Григорьевича Волкова. Князь Шаховской в своем «Репертуар 1840», кн. 4, т. 1, описывает следующим образом создание Ярославской группы: приехав по торговым делам в Петербург, Волков узнал, что в Кадетском корпусе устроен небольшой театр, где кадеты разыгрывают произведения Сумарокова. Получив возможность из-за кулис наблюдать спектакль, Волков пришел в такое восхищение, что вернувшись в Ярославль, решил завести собственный театр.

Когда императрица узнала о Ярославском театре, она вызвала Волкова в Петербург и предложила ему сыграть во дворце Сумароковские трагедии: «Гамлет», «Синава и Трувора», «Хорева» и «Аристону». В результате этой игры труппа была оставлена при дворе, а Сумароков получил лично от императрицы золотое кольцо. Ярославцев поместил в Кадетском Корпусе, в первой роте, для обучения гимнастике, иностранным языкам и словесности, дав им название «Ярославских мальчиков».

По словам графа де Рошфора, биографа и бывшего кадета, «в стенах Первого Кадетского Корпуса устраивался театр России, около таланта Дмитриевского, четыре столпа новой храмины, где, наконец Дмитриевский образовал Семенову и Яковлева, а сей последний Брянского и Каратыгина».

Наконец, 30 августа 1756 года наступил знаменательный день в истории русского театра: императрица Елизавета Петровна издала официальный указ Сенату:

"Повелѣли мы нынѣ учредить Русскій для представленія трагедіи и комедіи театръ. для котораго отдать Головкинскій каменный домъ, что на Васильевскомъ острову близъ кадетскаго дома. А для онаго повелѣли набрать актеровъ и актрисъ: актеровъ изъ обучающихся пѣвчихъ и ярославцевъ въ кадетскомъ корпусѣ, которые къ тому будутъ надобны, а въ дополненіе еще

къ нимъ актеровъ изъ другихъ неслужащихъ людей, такъ же и актрисъ приличное число. На содержаніе онаго театра опредѣлить, по силѣ сего указа, считая отъ сего времени въ годъ денежной суммы по 5.000 рублей, которую отпускать изъ штатсъ-конторы всегда въ началѣ года по подписаніи Нашего Указа. Для надзиранія дома опредѣляется изъ копіистовъ лейбъ-кампаніи, Алексѣй Дьяконовъ, котораго пожаловали Мы армейскимъ подпоручикомъ, съ жалованьемъ изъ положенной на театръ суммы по 250 рублей въ годъ. Опредѣлить въ оный домъ, гдѣ учрежденъ театръ, пристойный караулъ. Дирекція того русскаго театра поручается отъ насъ бригадиру Александру Сумарокову, которому изъ той же суммы опредѣляется сверхъ его бригадирскаго оклада, раціонныхъ и деньщичьихъ денегъ въ годъ по 1000 рублей и заслуженное имъ по бригадирскому чину съ пожалованья его въ оный чинъ жалованье въ дополненіе къ полковничью окладу додать и впредь выдавать полное годовое бригадирское жалованье; а его бригадира Сумарокова изъ армейскаго списка не выключать. А какое жалованье какъ актерамъ и актрисамъ, такъ и прочимъ при театрѣ производить, о томъ ему, бригадиру Сумарокову отъ Двора данъ реэстръ. О чемъ нашему Сенату учинить по сему Нашему Указу".

Головкинский дом позднее был снесен и на его месте выросла Императорская Академия Художеств. Сохранился любопытный список первых артистов театра, каковой мы и приводим ниже полностью:

Списокъ комедіантамъ, обучавшимся въ кадетскомъ корпусѣ:
А именно:
Прошлаго 752 Марта съ 14 дня Ея Императорскаго Величества певчіе

1) Петръ Власьевъ, 2) Григорий Емельяновъ,
3) Павелъ Ивановъ, 4) Козма Лукьяновъ,
5) Федоръ Максимовъ, 6) Евстафій Григорьевъ.
7) Лука Ивановъ.

Сентября съ 10 ярославскіе комедіанты
1) Іванъ Дмитріевскій, 2) Алексѣй Поповъ,
754 Генваря съ 20 Ея Императорскаго Величества певчій
Прокофій Прикзаной.
Февраля съ 26 и Марта съ 21 Московские комедианты

1) Григорій } Волковы.
2) Федоръ }

Всего 12 человѣкъ.

Коихъ велено содержать вовсемъ противъ кадетовъ, а вместо мундира зделать іздикаго одинакого сукна платье того же цвета и подбивъ сшелковыми или гарусными петлями и пуговицами, шляпы сзолотымъ позументомъ да каждому по одной паре чулокъ гарусныхъ здвумя парами башмаковъ, а белье и на рубашки и на манишки снымъ давать противъ кадетъ а шпагъ и прочей омуниции не давать.

Канцеляристъ Данило.

Но шпаги были разрешены. Сделано это было по ходатайству Сумарокова, с целью поднятия авторитета актеров в глазах общества и возбуждения у артистов «благородной бодрости». Надо отметить, что ношение шпаг как в России, так и в других странах Европы, считалось привилегией дворян.

Создав труппу и получив помещение Сумароков стал ста-

вить трагедии, оперы и комедии, а также балетные спектакли. В своей статье перед 200 летним юбилеем Первого Кадетского Корпуса де Рошфор писал:

> "За Сумароковым корпус дал: Хераскова, Озерова, Востокова, Крюковского, Глинку, Железнякова и др., которые украшали своими произведениями литературу, поставляя для русской сцены необходимый материал. За Волковым и Дмитриевским семья русских артистов пополнялась из корпуса Бортнянским, Свистуновым, Яковлевым, Брянским, Каратыгиным, Татищевым, Сечкаревым, Гольцгаузеном, Яковлевым..."

Последнее театральное представление было дано в корпусе в середине тридцатых годов прошлого века.

По инициативе Вел. князя Константина Константиновича при Лб. Гвардии Измайловском полку были основаны Литературно-музыкально-драматические вечера, под названием «Измайловские досуги», по Сумароковскому образцу. Дело в том, что офицерский состав этого полка императорской гвардии состоял чуть ли не на одну треть из бывших кадет Первого Корпуса.

Считаем все-таки необходимым отметить, что лит. критик Н. Н. Евреинов, в своей книге «История Русского Театра», Нью Йорк, 1955, довольно таки критически относится к основателю русского театра. Так он относит к «погребенным в прошлом драматическим произведениям» пьесы Сумарокова, который «настолько умел импонировать своим современникам, такую проявил настырную заботу о своей славе... что звание первого русского драматурга осталось — вопреки истине — за ним»... Но не забудем также и того, что писал Н. М. Карамзин в «Пантеоне Русских Писателей»: «Имя Сумарокова было в свое время также велико, как и имя Ломоносова... Подобно Вольтеру он хотел блистать во многих родах и современники называли его нашим Расином, Мольером, Ляфонтеном, Буало». В работах Академии Наук мы такой критики не находим.

Александр Петрович Сумароков скончался 1-го октября 1777 года, и его бренные останки проводили до места последнего успокоения, на кладбище Донского монастыря, лишь несколько артистов и старых друзей — такова уже человеческая доля! И вот, пронеслось почти что 200 лет со смерти этого замечательного человека и русское театральное искусство достигло небывалой высоты. Способы постановок МХТ были переняты западно-европейскими студиями и школами. Многие те-

атральные методы русской школы в дальнейшем стали руководящими для театрального искусства Франции, Англии и Соединенных Штатов. И подводя итоги всего нами сказанного выше, можно лишь подчеркнуть ту огромную роль, которую было суждено сыграть Первому Кадетскому Корпусу и его кадетам в развитии русского искусства и культуры и закрепить за собой право называться колыбелью РОССИЙСКОГО ИМПЕРАТОРСКОГО ТЕАТРА.

Пав. Паг.

ДУХ ОШИБСЯ.

Воспоминания об эвкуации Крымского кад. корпуса из Ялты, прочитанные на 2-ом съезде в Каракасе.

Последние дни осажденного Крыма. Осеннюю Ялту обдувает холодный норд-ост. Электрическая станция не работает и ночью город погружен во мрак.

В большом зале-спальне 1-ой роты Крымского кад. кор. в Масандрских казармах, холодно как на улице, а темноту не могут одолеть несколько свечей и масляных светильников, вокруг которых собрались группы кадет. Подавляющее большинство состава первой роты только что, в силу приказа Главнокомандующего, покинуло свои героические части и с болью и недоумением принимает вести о прорыве на Перекопе и предстоящей эвакуации. Будущее темно и жутко.

В дальнем конце зала, в углу, где расположены кадеты полтавцы 7-го класса, группа мистиков решает вопросить потусторонний мир о нашей судьбе. Стол окружен цепью астральной силы и голос взывает к духу деда, потомственного дворянина Святослава Малюги, прося осветить тайну будущего.

Дух дворянина Малюги великодушно отстукивает, на своем загробном языке, загадочную и не очень обнадеживающую фразу: — Спасутся 123 человека со стариком.

Трудно сказать распространилось ли предсказание деда Малюги после сеанса, по всему корпусу, но кто знал о нем почувствоал себя очень неуютно, когда, при погрузке в ялтинском порту, весь корпус вместили в старую плоскодонную галошу «Хриси», а 5-ую роту малышей в числе около 123 с командиром стариком, полковником Ромашкевичем, отправили

на стоящий рядом, блестящий, пассажирский, ночью залитый огнями «Константин».

С чувством полной обреченности стояли мы у борта, отчалившей ночью от пристани «Христи», ставшей зачем-то на рейд под удары свежего ветра и волн. Еще раз жалкий страх закрался в душу, когда наш старый, верный товарищ, кадет-полтавец Гаморра, решил свою судьбу и прощался с нами, чтобы спуститься в прыгающую на волнах лодку, к отцу, боцману черноморского флота, приехавшему за сыном из Севастополя.

Пощадила ли судьба боцмана Гаморру и его сына, царского кадета, миновали ли их массовые расстрелы в Севастополе по приказу Бела Куна?

Как видно, дух дворянина Малюги или спутал, или зло подшутил над нами, может быть считая, что его загробная шутка укрепит наши нервы и в этом он оказался прав. Ни бурное Черное море во время нашего перехода до Константинополя на «Хриси» нас не погубило, ни «житейское море», вот уже пятьдесят лет волнующееся вокруг нас, не погасило в нас нашего духа и еще больше связало нас нашей общей идеей.

А. Бертельс-Меньшой
2-го выпуска Кр. К. К.

ЭВАКУАЦИЯ КИЕВЛЯН ИЗ ОДЕССЫ В 1920 ГОДУ.

Приводимые ниже отрывки воспоминаний являются дополнением к книге "Кадетские корпуса за рубежом", а также и исправлением некоторых неточностей. Автор этих воспоминаний был участником описанных событий и рассказ ведется от его имени.

В Одесском порту был ранен кадет-киевлянин Василий Полиновский (а не Полянский, как сказано в книге). Обстреливали нас из пулеметов со стороны Воронцовского дворца и мы, кадеты, прятались под товарными вагонами, вернее за их сплошными колесами. Из персонала Киевского корпуса в порту хорошо помню полк. Прибыловича, сидевшего около маленького кирпичного здания и спокойно курившего во время обстрела. Помню также фельдшера Васильева, но никого другого из персонала во время стрельбы не было.

Ночью к «Вотану», где мы находились, подошел англий-

ский крейсер «Аякс». Его матросы долго не понимали кто мы, пока на «Вотан» не поднялся какой-то английский офицер, который объяснил им, вернувшись на «Аякс», что мы кадеты. Началась через борт меновая торговля; мы бросали им пуговицы, кокарды, патроны и даже бляхи, у кого были лишние, а они перебрасывали папиросы в круглых коробках, табак и консервы. Скоро это прекратилось, т. к. тот же офицер опять поднялся на «Вотан» и просил прекратить этот обмен. Кадет В. Гончаров обошел нас и запретил мену. Объяснения с офицером происходили по французски, т. к. к счастью он знал этот язык, а по английски у нас не говорил никто.

Вскоре после этого, нам принесли с «Аякса» какао, кофе с молоком и бутерброды с апельсиновым вареньем. Мы были все вымазаны угольной пылью и были, вероятно, похожи на чертенят. Помню, что было очень холодно и мы основательно мерзли. Когда мы перешли на пароход «Царь Фердинанд», я и кадет В. Андрушко обнаружили на нем каюту, которая показалась нам пустой. Попробовали ее открыть и, после некоторой возни, нам удалось это сделать. Каюта была на четыре койки; прикрыв дверь, сообщили об этом нашим и быстро завладели каютой. Через короткое время появилась какая-то дама с мальчиком и потребовала от нас немедленно освободить каюту, т. к. она, якобы, предназначалась для ее семьи.

Это нас совсем не устраивало и мы ей заявили, что здесь помещены наши больные тифом. Помню кадета Нахалова, который с большим искусством «бредил» и кричал, изображая настоящего тифозного больного. Дама призадумалась и тогда мы ее окончательно доканали, сказав что у нас полно вшей. Она быстро попятилась и сказала мальчику: «идем скорее от этой вшивой команды!» Так мы отвоевали себе каюту, другим же удалось раздобыть галеты и консервы.

Когда мы прибыли в Варну и разместились в школе «Св. Лаврентия», туда часто приходил болгарин доктор, по фамилии Попов. Он окончил медицинский факультет в России и относился к нам очень сердечно, помогая полк. Протопопову. Кажется, это именно он и устроил наше питание в народной столовой.

Из Варны, через Софию, где мы пробыли 3 дня и жили в вагонах, нас повезли в Королевство С.Х.С. На границе, в Цариброде, куда наш поезд подошел вечером, болгарские жандармы потребовали, чтобы все, у кого осталось оружие и патроны, сдали бы им все это, что нам пришлось, конечно, ис-

полнить. Ночью нас привезли в Ниш. На станции были приготовлены скамейки и столы, и группа дам, кажется, жены военных, накормила нас хорошим ужином, после чего военный доктор отобрал больных и отправил их в военный госпиталь. Их было четыре человека, все тифозные, среди них и мой брат; по выздоровлении, их привезли к нам в Сисак.

В Сисаке нас разместили в казарме, в которой при австрийцах была расположена ветеринарная рота. Кормили нас из 9-го (кажется) пехотного полка три раза в день; еда приносилась солдатами в котлах, и для кадет, и для персонала. В казарме имелись кровати и кое какое оборудование; по воскресеньям нас водили в церковь, начались регулярные занятия, но не было ни книг, ни тетрадей, ни письменных принадлежностей и, поэтому, уроки приходилось просто запоминать, ввиду невозможности их записывать. Жизнь проходила спокойно и без каких-либо стеснений.

Перед казармами протекала река Купа, а на другой стороне реки был старинный замок Крепач, куда мы часто ходили. Отношения с населением были хорошими и до конца нашего пребывания в Сисаке не омрачились ничем. Один из наших воспитателей, капитан Н. Карпов, подобрал среди кадет группу любителей рыбной ловли, с которой часто ходил на реку. Так шла наша жизнь до тех пор, пока в одно из воскресений не приехал генерал Адамович. Нас построили и он объявил нам приказ военного агента генерала Артамонова о том, что он назначен директором Сводного корпсуа и что скоро нас всех перевезут в Сараево. Наша группа Киевского кад. Корпуса переехала туда первой и очень скоро туда перевезли из Панчево находившихся там Одесситов и Полочан. Все дальнейшее уже описано в книге «Кадетские Корпуса за рубежом» и повторяться не буду.

По воспоминаниям В. Заболотного
5-го вып. (1925 г.) Р.К.К.

ХАРЬКОВСКИЙ ИНСТИТУТ

Харьковский Институт был основан 29 апреля 1812 г. «Дворянским Благотворительным Обществом в Харькове» и долгое время был единственным Институтом на Юге России. В 1818 году рескриптом от 11 апреля Институт был взят под покровительство Ведомства Императрицы Марии Феодоровны, супруги Императора Павла I с названием «Харьковский Институт Благородных Девиц», а в 1912 г. по случаю 100 летнего своего существования, Институт был переименован в «Харьковковский Императрицы Марии Феодоровны Институт». В марте 1917 г. Врем. Правительство закрыло Ведомство Императрицы Марии Феодоровны и передало Институт в ведение Министерства Народного Просвещения. В декабре 1918 г. Харьков был занят большевиками, которые приказали в 3-х дневный срок закрыть Институт. Благодаря энергичным мерам начальницы института Марии Алексеевны Неклюдовой, около 150 вос-

питанниц удалось устроить у знакомых институту лиц по частным домам. Остальных разобрали родители. В 1919 г. в июне Харьков был освобожден армией ген. Деникина и Институт опять начал функционировать имея свыше 200 воспитанниц. При приближении большевиков в ноябре 1919 г. институт был эвакуирован в Новороссийск куда прибыл с 157 воспитанницами, 38 лицами персонала и 46 членами семей персонала. Эвакуация совершалась в очень тяжелых условиях, но главным страхом был ужас попасть опять к большевикам. М. А. Неклюдова посетила представителя Королевства Сербов, Хорватов и Словенцев, ген. Недича, прося его содействовать переезду Института в Королевство С.Х.С. Через несколько дней разрешение было получено и 29 января 1920 г. на пароходе Афон Институт отплыл в Варну, в Болгарию, а из Варны поездом в Белград.

На границе Королевства Институт был сердечно встречен местными гражданскими и церковными властями и населением. 4 марта 1920 г. институт в составе 114 воспитанниц, 20 лиц персонала, 12 членов их семей, и 5 служителей, прибыл в Новый Бечей, получив от правительства 3 школьных здания, где и разместился.

Началась спешная работа: надо было наладить преподавание, наверстать потерянное время. Со всех сторон начали съезжаться новые воспитанницы. Благодаря энергии начальницы

Здание школы, где занимались институтки.

М. А. Неклюдовой, инспектора классов З. А. Макшеева и зав. хоз. частью А. Н. Неверова институт быстро встал на ноги, занятия начались. Было открыто 8 классов и приготовительный класс.

В конце марта начались занятия в младших классах, а после Пасхи и в старших классах и продолжались до октября 1920 г. В октябре после экзаменов состоялся перевод учениц в следующие классы.

Первый выпуск был в 1921 г. а всего было 12 выпусков. Всего окончили институт 319 воспитанниц. От 1922 г. до 1924 года при Институте были образованы два отделения: Коммерческое и Прикладн. Искусства. Окончили и получили дипломы 56 учениц. На эти курсы были приняты и Донские институтки. Институт имел одинаковые права с Сербской 8-ми классной гимназией с правом учениц после окончания поступать в высшие учебн. заведения, чем и воспользовался большой процент окончивших.

В 1922 г. институт посетил генерал Врангель, что было большой радостью для всех. Институт находился под покровительством Е. В. Королевы Марии. В 1932 году институт торжественно отпраздновал 120-тилетие «Харьковского Института».

В Институте процветал театральный кружок. Под руководством А. Н. Неверова ставились классические вещи. Устраивались концерты, балетные выступления и сокольские слеты. Жизнь текла тихо, спокойно. Институт закрылся в 1932 г.

7-ой класс в 1928 году.

Все мы бесконечно благодарны королю Александру I, королеве Марии и всему югословянскому народу, протянувшему нам братскую руку помощи в самый тяжелый момент нашей жизни и давшему нам возможность закончить свое образование.

Прошли годы, и та же участь, что постигла Россию, постигла дорогую нам Югославию. И вот здесь в Америке в 1950 г. стараниями нашей председательницы В. А. Радостовец началось зарождение нашего Объединения Харьковских Зарубежных Институток. Была сооружена икона Марии Магдалины в память скончавшейся в СССР М. А. Неклюдовой, куда М. А. попала из Восточной зоны, не успев выехать. Икона находится в Синодальном Соборе в Нью Йорке.

В 1952 г. открылось Объединение о чем мы известили Е. В. Королеву Марию в Лондоне и получили от нее ответ с пожеланием успеха.

Многие б. Харьковские Зарубежные Институтки не состоят у нас. Почему? Так важно иметь в старости моральную поддержку, а старость не за горами. Никто не молодеет. А скольким мы помогаем и какие письма благодарности получаем, знают работающие в Объединении. Знаем что не зря мы объединились..

Нью Йорк. 1973 г.

Секретарь Объединения
Н. В. Сукк (Борисова)

ИСТОРИЯ С ПРИВИДЕНИЕМ

Произошло это весною 1921 года, в югославянском лагере Стрнище при Птуе, куда за несколько месяцев до того были привезены Крымский и Донской кадетские корпуса, вместе с семьями педагогического персонала и изрядным количеством посторонних беженцев, примазавшихся к нам при эвакуации из Крыма.

Подробно описывать этот лагерь на страницах нашего журнала нет надобности: все старшие кадеты, — крымцы и донцы, — окончившие корпуса до 1928-го года, его хорошо помнят, а младшие достаточно знают о нем по преданьям. Для посторонних читателей вкратце поясню, что этот лагерь, состоявший из нескольких десятков дощатых бараков, находился возле маленькой железнодорожной станции в Словении, и со всех сторон был окружен чудесными, чарующими взор, лесами. Природа тут была наредкость красива, все вокруг дышало дремотным спокойствием и негой, лес манил своею уютной и таинственной прелестью, а потому мы, старшие кадеты, проводили в нем все свободное время, а часто и не-свободное, удирая туда от уроков, благо начальство нас, кадет-фронтовиков, на первых порах не очень прижимало и мы пользовались почти полной свободой.

Таким образом, вначале мы тут просто безмятежно отдыхали и отъедались после голодной и тревожной жизни в Крыму, но вскоре произошли события, которые направили все наши умы и помыслы в область потустороннего мира.

Началось это с того, что в первой роте нашего, Крымского корпуса покончили самоубийством два кадета, покушался на него и третий. Все эти случаи произошли с короткими, но приблизительно равными промежутками времени, — в две недели, — из чего растерявшееся начальство заключило, что среди кадет существует клуб самоубийц, члены которого будут по жребию стреляться один за другим. За «подозрительными» началась слежка, пошли какие-то таинственные собрания и шушуканья, всех поочередно стали вызывать на собеседованья с директором, среди кадет появились спиритические кружки, заговорили о том, что в лесу появляется призрак «черной дамы», — некоторые даже клялись, что его видели, — словом все ударились в мистику и в первой роте лишь на эти темы

и говорили, а начальство, своим выдуманным «клубом» *) и охотой за потенциальными самоубийцами, только подливало масла в огонь.

Но с другой стороны юность, окружающая нас ласковая природа и обилие в лагере хорошеньких барышень тоже были факторами большой мощности. Они располагали к влюбленности и ухаживанью, — так что этой, земной и реальной жизни и всем ее прелестям мы, конечно, тоже отдавали должное.

Обычно по вечерам, после ужина, компания старших кадет более или менее постоянного состава, — человек пять-шесть, — наведя красоту и прихватив гитару, заходила в семейный барак, там к ним присоединялись три или четыре барышни и затем, все вместе, отправлялись бродить по лесным дорожкам, потом усаживались где-нибудь в укромном и уютном месте, пели под аккомпанимент гитары, невинно ухаживали, изощряясь перед нашими дамами в остроумии или рассказывая им страшные истории, в духе переживаемых событий. Домой возвращались обыкновенно за полночь.

Однажды, нагулявшись вдоволь по лесу, все мы вышли к железной дороге и уселись на старой деревянной платформе, которая совершенно изолированно стояла, неизвестно для чего, за добрую версту от станции. Было часов одиннадцать ночи, светила полная луна, придавая лесным чащам таинственную жуть, и разговор у нас зашел о потусторонних материях. Было рассказано немало страшных историй о привидениях и мертвецах поднимающихся из могил, а потом черт меня дернул за язык и я сказал:

— Ну, после такой настройки никто из вас наверняка не пошел бы сейчас на кладбище, если бы даже за это здорово заплатили.

— А ты сам пошел бы? — с иронией спросил мой одноклассник Миша Трофимов.

— Да, по правде говоря и мне что-то не хочется, — ответил я.

— Я пойду! — сказала вдруг Олечка Ревишина, как раз та барышня, в которую я был пламенно влюблен.

Мы попытались обратить дело в шутку, а когда это не по-

*) Я с полным знанием дела утверждаю, что этот "клуб самоубийц" существовал только в воображении начальства; меня, как "доказанного" члена этого клуба, в числе других шестнадцати кадет арестовали и временно увезли из Стрнища, а между тем ни я, ни другие арестованные никакого отношения к этому несуществующему клубу не имели.

могло, принялись отговаривать Олечку от ее рискованной затеи. Кладбище находилось далеко в лесу, — от того места, где мы сидели, туда надо было идти километра два вдоль железной дороги, а потом еще с полкилометра по глухой лесной просеке. Не говоря уж о всякой нечистой силе, по пути легко мог встретиться какой-нибудь бродяга или пьяный рабочий — словенец, — все эти доводы мы пустили в ход, но ничто не действовало. Олечка стояла на своем, — пойду, и только!

— Ну что ж, тогда и я с вами, — промолвил я, не без некоторого даже удовольствия, ибо тотчас смекнул, что по пути, да еще в такой исключительной обстановке, можно будет наедине славно полепетать с Олечкой, избавившись от моего соперника Юры Кодинца, который находился тут же.

— И не думайте! — решительно сказала Оля. — Я пойду одна, и предупреждаю: если замечу, что за мной кто-нибудь идет, с тем навсегда порву всякое знакомство.

Далее отважная дама моего сердца заявила, что в качестве вещественного доказательства она оставит свой платочек на могиле первого нашего самоубийцы, Жени Белякова, и попросив нас ожидать ее тут, на платформе, зашагала по направлению к кладбищу.

— Видишь, что ты наделал, ишак! — напустились на меня все приятели, едва только она отошла шагов на тридцать. — Разве можно допустить чтобы девушка топала туда одна? Мало ли что может случиться! Иди теперь сзади за ней!

Я бы сделал это с превеликой радостью и сам, без всяких понуждений, но знал, что Олечка слов на ветер не бросает, и перспектива рассориться с ней пугала меня больше чем все мертвецы, лежавшие на стрнищенском кладбище. Вероятно по таким же соображениям не вызывался идти и Кодинец. Поэтому я ответил:

— Мне нельзя идти, небось сами понимаете чем это для меня пахнет! Пусть идет Славка Ревишин, — с родным братом она-то уж не поссорится.

— А ты не видал как лягушки скачут? — насмешливо отозвался Славка. — Нет, брат, заварил кашу, так и расхлебывай ее сам, а меня уволь!

Делать нечего, пришлось идти мне. На Олечке было белое платье, я ее отлично видел, а сам, в гимнастерке защитного цвета был совершенно незаметен в тени деревьев и потому, догнав ее, пошел сзади на расстоянии двадцати шагов, по опушке леса окаймлявшего железную дорогу.

Все вокруг спало в безмятежном спокойствии и двигались мы без всяких осложнений, только в одном месте Олечка внезапно остановилась и даже сделала шага три назад. Я хотел броситься к ней, но к счастью не успел этого сделать, т. к. она сразу же пошла дальше, а секунду спустя и я увидле то, что ее испугало: это была белая крестьянская кляча, мирно щипавшая травку на опушке.

Довольно обширное кладбище, в самом центре которого стояла белая часовня, было обнесено невысокой каменной стеной и его окружал дремучий лес, но на самом кладбище деревьев не было и все оно, освещенное луной, было видно как на ладони. Когда Олечка вошла в ворота и двинулась по дорожке в самый дальний конец, где, в стороне от других, были похоронены наши самоубийцы, мне пришлось приотстать. Но едва она миновала часовню, которая меня скрыла от ее глаз, я бегом перебежал туда и сел на скамеечку, с теневой стороны часовни. Отсюда мне хорошо было видно, как Оля нашла могилу Белякова, наклонилась над нею, — очевидно клала платок, — затем несколько раз перекрестилась и пошла обратно.

И тут я решил ее все-таки окликнуть, исходя из таких соображений: свою задачу она блестяще выполнила, будучи уверенной, что идет одна, — таким образом слава ее ничуть не померкнет, если я теперь признаюсь, что следовал за ней, тем более что об этом не преминет сказать ей Кодинец. — Ну, посердится немного для приличия, а потом дело обойдется и назад пойдем вместе, — подумал я и негромко сказал:

— Олечка, не пугайтесь, это я.

Она вздрогнула от неожиданности, но сейчас же меня узнала и подошла к скамейке, на которой я сидел.

— Значит, вы все-таки увязались за мной, — промолвила она без заметных признаков гнева. — Я же вас предупредила...

— Олечка! — перебил я, — вы предупредили что поссоритесь с тем, кого заметите идущим за вами. Но меня вы не заметили, я провел дело чисто и дал вам возможность выполнить ваше неблагоразумное намерение даже не подозревая, что сзади следует верный страж, всегда готовый за вас на подвиг и смерть. Так что подвергать меня опале у вас нет оснований.

— Из вас получился бы незаурядный иезуит, — улыбнулась Олечка. — Ну, Бог с вами! Я в конце-концов только себя хотела проверить, и в этом вы мне действительно не помешали.

— Значит мир?

— Мир.

— Ну, садитесь сюда, на скамеечку. Тут какой-то особый, благостный покой и совсем не страшно. Отдохнем немного и пойдем назад.

Олечка без возражений села рядом и у нас завязался оживленный разговор. Я был вполне счастлив и потому не знаю сколько времени прошло до того момента, когда я случайно взглянул в ту сторону, где находилась могила Белякова и вдруг почувствовал, что у меня под фуражкой зашевелились волосы: там из земли медленно поднималась белая тень.

У меня все-таки хватило самообладания не выдать своего испуга. Мелькнула довольно эгоистичная мыслишка, что если Оля увидит то, что увидел я, она свободно может хлопнуться в обморок, бросить ее и драпать мне будет невозможно, а тут-то мертвец на нас и насядет! Я еще раз покосился туда, в надежде что это мне померещилось, но нет, — привидение медленно двигалось между могилами и находилось уже гораздо ближе к нам. Я поднялся со скамейки и став так, чтобы заслонить собой это жуткое зрелище от глаз моей спутницы, промолвил, стараясь говорить спокойно:

— Уже за полночь, пойдемте-ка, Олечка, назад, ведь нас там ждут, на платформе.

Мои слова плохо вязались с тем, что я говорил всего за пять минут до этого, уговаривал посидеть тут еще, а может быть меня выдал и голос, потому что Олечка явно почувствовала неладное. Она сразу встала, посмотрела на меня с тревогой, но ни о чем не спросила. Я взял ее под руку и мы, выйдя на освещенную луной дорожку, довольно быстрым шагом направились к воротам. Я что-то бормотал, стараясь продолжать прерванный разговор и боялся обернуться, чтобы не обернулась и она. Но пройдя шагов двадцать, она сделала это сама, и затрепетав всем телом вцепилась в мою руку. Я посмотрел назад и с ужасом увидел, что мертвец тоже вышел на дорожку и гонится за нами.

— Бежим! — крикнул я и мы во всю прыть бросились к выходу с кладбища. То-есть эта «прыть» была довольно относительной: будь я один, — развил бы такую скорость, что за мной не угнался бы никакой покойник, но Олечка в своей довольно узкой юбке, несмотря на весь испуг, семенила мелким трухом и я волей неволей должен был придерживаться ее аллюра.

Но так или иначе мы благополучно выскочили за ворота, промчались по просеке и только выбежав на железную дорогу и убедившись, что призрак за нами не гонится, перешли на шаг.

— Какой ужас! Что бы это могло быть, как вы думаете, Миша? — приходя понемногу в себя допытывалась Олечка.

— Ей-Богу не знаю. По совести говоря, до сегоднешнего дня в привидения я не верил, но теперь... Вы же сами видели.

На платформе нас ожидала вся компания и мы с Олей рассказали о своем приключении. Нам поверили не сразу, но когда, наконец, убедились что мы не врем, было решено немедленно расследовать это дело. Ревишин пошел провожать барышень домой, а пятеро остальных кадет, и я в том числе, отправились на кладбище.

Придя туда, мы не вошли в ворота, а тихо двинулись с наружной стороны вдоль ограды, к могилам наших самоубийц. Привидение оказалось тут как тут. Оно переходило от могилы к могиле, то выпрямляясь во весь рост, то склоняясь к земле и что-то тихонько бормотало. Это последнее обстоятельство рассеяло все наши страхи: перепрыгнув в разных местах через стенку, мы дружно ринулись вперед и мгновение спустя смертельно перепуганный «покойник» был нами схвачен и повержен на землю.

Оказалось, что это был юродивый дурачек, который жил в нашем лагере, всегда ходил в белой, длинной до колен рубахе, был совершенно безобиден и без конца молился. Многие из старших кадет его, наверное, помнят.

— Какого черта ты шляешься ночью по кладбищу? — спросили мы у него.

— Тут же наши покойнички, — залепетал бедняга, тряся жиденькой, почти бесцветной бороденкой. — Ну, вот я и пришел их проведать. Могилок-то много и возле каждой помолиться нужно, ну вот, значит и хожу...

— Чего же ты за нами погнался, когда мы тут с барышней были? — полюбопытствовал я.

— Увидал, что вы испугались, ну и бежал за вами, чтобы сказать, что это я.

Долго потом эту трагикомическую историю мы вспоминали со смехом.

М. Каратеев.

ОТ РЕДАКЦИИ

«Кадетская Перекличка» всегда рада новым сотрудникам. В этом номере с чувством глубокого удовлетворения представляем нашего однокашника и известного писателя, Крымского Кадетского Корпуса кадета

МИХАИЛА КАРАТЕЕВА

Михаил Дмитриевич Каратеев (князь Карачевский), коренной кадет Петровского-Полтавского Кадетского Корпуса, участник гражданской войны, Георгиевский кавалер. В Югославии окончил Крымский Кадетский Корпус, с первым выпуском, в 1921 году. Затем окончил в Болгарии Сергиевское Артиллерийское Училище, с производством в подпоручики по конной артиллерии. Позже получил высшее образование в Бельгии, с дипломом инженера химика и защитил диссертацию на степень доктора химических наук.

Будучи студентом в Бельгии, одновременно состоял курсовым офицером, а потом и ротным командиром Военно-училищных Курсов, организованных по мысли генерала Врангеля («Русская Генерала Врангеля Стрелковая Дружина»). Позже, за эту безвозмездную пятилетнюю службу, приказом по Корпусу Императорской Армии и Флота, получил производство в чин штабс-капитана.

Женат. От первого брака имеет дочь, от второго — сына. Ныне живет в Уругвае, занимаясь преимущественно литературной работой.

На литературное поприще вступил в 1924 году, когда в белградской газете «Новое Время» был напечатан ряд его стихотворений. Потом сотрудничал во многих газетах и журналах, а в период 1957-1967 г.г. издал обширную историческую эпопею «Русь и Орда», состоящую из пяти отдельных романов: «Ярлык великого хана», «Карач-мурза», «Богатыри проснулись», «Железный Хромец» и «Возвращение». В 1968 году издал сборник исторических очерков под заглавием «Из нашего прошлого», а в 1971-ом второй сборник, «Арабески истории». В августе этого года вышла из печати восьмая книга «По следам конквистадоров».

Книги эти в русском Зарубежьи были хорошо приняты и критиками и читателями. За истекшие 15 лет о них было дано около трехсот очень лестных отзывов, печатавшихся почти во всех эмигрантских газетах и журналах. Частичные переводы и отзывы появлялись и в иностранной прессе, в том числе в японской и в турецкой.

Воспоминания

ЧАСТЬ III

3. САРАЕВО

"И там средь Боснии далекой,
в долине мрачной и глухой
лежит САРАЕВО глубоко
над быстрой горною рекой..."
(Из звериады корпуса).

Наконец я на «главном колодворе» (станции) Загреба. Отсюда отходит поезд на Белград и с пересадкой (для меня) в Славонском Броде на Сараево. Это будет моя четвертая и последняя пересадка, но теперь уже на узкую колею.

Поздний вечер. На станции много народа: все скамейки в зале ожидания заняты, и я не знаю, куда мне приткнуться. В зал второго класса меня не пускают. Приходится довольствоваться своим «шестком». А это зал третьего класса. Не смотря на прохладный вечер, в зале душно. Накурено. Пахнет специфической вокзальной кислятиной от потных тел, сыромятных кожухов «селяков», от мусорных корзин и самого разнообразного скарба. На полу сор и множество окурков, тут же скорлупа от яиц, куски оберточной бумаги и газет, шкурки от сала и колбасы и все то, что почему-то путешествующая публика не считает нужным бросить в мусорные ящики. Кажется, что так легче для нее и удобней. Многие из ожидающих поезда сидят на тюках, корзинах или деревянных сундучках, вроде моего. Чемоданов почти не видно. Некоторые же просто расположились на полу, подстелив под себя собранные обрывки газет или бумаги. В ушах невообразимый гул голосов, звонков и гудков маневрирующих паровозов...

Своей формой я привлекаю внимание публики, хотя мне этого совсем не хочется. Если заняться анализом моей формы с ног, то видевшие виды могут предположить, что на станции заблудился английский солдат. Но я не девушка и меня рассматривают с головы. У меня коричневая фуражка с мягким

козырьком неизвестной национальности. Через две дырочки к ее околышу, защитными нитками, пришита русская солдатская кокарда. Это все, что указывает на мою национальность. Но кто в Загребе знает о русских кокардах? Все остальное на мне австрийское: серо-голубая солдатская шинель с красными, узорно вырезанными, петлицами, а ис-под шинели выглядывает черный австрийский кадетский мундир с красным стоячим воротником и красными же обшлагами, выползающими из рукавов короткой шинели. Больше всего, кажется, на публику действуют плоские позолоченные пуговицы величиною с русский алтын.

Я выбираю, как мне кажется, подходящее место, опускаю свой сундучек и неудобно присаживаюсь на его выпуклую крышку. Хотя я еще не говорю по сербски, но все же уже что-то понимаю. Еще перед Загребом я узнал от кондуктора, что мне придется долго ждать моего поезда: может быть, часа четыре, а то и больше. Значит времени достаточно и было бы совсем не дурно вздремнуть. Но мой сундучек с покатой крышкой совсем не подходящее место для этой цели. Да и не к чему прислониться.

Все больше приходится убеждаться, что я привлекаю внимание окружающих. Некоторые из них рассматривают меня бесцеремонно и в слух высказывают свои соображения своим соседям. Многое из этого долетает до меня, и я понимаю.

Вот передо мною останавливается долговязая фигура какого-то «христолюбивого»-балканского воина. К кожаному поясу привешен у него огромный австрийский тесак. Теперь и я занят чем-то: думаю о целесообразности его применения. Братушка останавливается в двух-трех шагах от меня, достает из кармана самодельный кожаный кисет, из которого извлекает книжечку папиросной бумаги, затем, на желтоватый листок насыпает крупно нарезанный табак, заскорузлыми, узловатыми пальцами скручивает ловко цигарку, любовно осматривает со всех концов свое детище, потом высовывает язык и лижет им подобающую сторону бумаги. Опять внимательно рассматривает свое законченное произведение, с каким-то особенным удовольствием, и отправляет цыгарку в рот. Затем достает из другого кармана какой-то металлический предмет со свисающим шнурком, любуется им, как бы гордясь такой собственностью, выбивает искру и, наконец, с видимым наслаждением прикуривает от раздутого фитиля. Церемониал закончен.

Но за все это время он не спускает с меня глаз и видно,что

его упорно беспокоит какая-то мысль. Постояв нерешительно в раздумьи еще несколько минут, он опять лезет в карман, достает оттуда свой кисет и великодушно протягивает мне. Все это происходит в глубоком молчании. И мне просто кажется, что он не знает на каком языке со мною разговаривать. Когда я отказываюсь от угощения, он искренно удивляется:

— Солдат, а не курит.

Но я-то совсем не солдат, а объяснять ему это совершенно лишнее. Все равно не поймет.

По замечаниям моих ближних соседей, я могу разобрать, что они считают меня музыкантом. До некоторой степени это льстит моему самолюбию. Солдат все еще стоит около меня, время от времени обдавая меня клубом едкого дыма, от чего мне становится тошно. Его же, как мне кажется, больше всего интересует моя кокарда. Отвечая ему тем же вниманием, и я нахожу у него уязвимое место, это его обувь, которую я рассматриваю с любопытством. Он обут в крестьянские кожаные лапти «опанки». Я вижу их впервые со смешными задранными кверху раструбами. На этом заканчивается наш поединок. Я опускаю голову и делаю вид, что засыпаю. Я стараюсь уподобиться страусу.

Но соседи не оставляют меня в покое и дальше изощряются в своих догадках и предположениях обо мне. Я улавливаю слово «бубняр», и передо мною выплывает в воображении маленький барабанщик наполеоновских времен, которого я где-то видел на какой-то иллюстрации... У него тоже было что-то на подобие шинели и мундир с красным воротником... Хотя мой сундучек и из «мягкого» дерева, но сидеть на нем становится неудобно. Встаю, отворачиваюсь в другую сторону от своих назойливых соседей.

Теперь мое внимание поглощено группой военных. Несмотря на блеклый, серенький цвет сербского обмундирования, эта группа выделяется подтянутостью и даже каким-то военным изяществом. Формы, у многих, хорошо пригнаны. Несколько человек с аккуратно намотанными обмотками, некоторые в сапогах, а один даже в гусарских ботиках с розетками. На левых рукавах, чуть пониже плеча, нашиты маленькие офицерские погоны. Нет сомнения, что они русские. Они заняты своим делом и на меня не обращают внимания. Может быть, и не видят. А мне так хочется обратить их внимание на себя. Но вот мое желание исполнено: один из них направляется ко мне всматриваясь в мою кокарду:

— Русский?
— Так точно!
— Кадет?
— Так точно!
— Почему же такой маскарад? Такая странная форма?
Объясняю как знаю и умею. Со своей стороны он удовлетворяет мое любопытство объясняя, что все они русские офицеры — теперь сербские пограничники. Они едут куда-то, по направлению к венгерской границе, но оказывается это нам не по дороге. Я искренно опечален и вскоре снова остаюсь один...
Но вот какой-то усатый дядька объявляет о прибытии поезда и потому что в перечислении станций я улавливаю Сараево, догадываюсь, что это именно тот, которого я жду. Несмотря на то, что мой билет проверен при выходе на перрон я все еще боюсь влезть в стоящий передо мною поезд. Помогает мне какой-то железнодорожник с фонарем, стоящий у одного из вагонов третьего класса. Он рассматривает мой билет, сперва как будто что-то бурчит, а потом сильным движением подсаживает меня в вагон.
Слава Богу, в вагоне есть достаточно свободного места. Усаживаюсь поудобней, на скамейку, около себя ставлю свой сундучок, до полки мне с ним не дотянуться. К тому же, когда он под моими ногами, я более спокое, что его у меня не украдут...
Просыпаюсь от света фонаря, который свисает с живота кондуктора и от прикосновения чьих-то рук, которые меня гладят по непокрытой голове. Оказывается это тот же железнодорожник, который подсадил меня в вагон. Я еще не совсем пришел в себя и не знаю, что мне сперва делать, искать ли скатившуюся с головы фуражку или показывать свой билет.
Кондуктор, очевидно знаком с такими моментами. Он терпеливо ждет, пока я найду свою фуражку. Да и торопиться-то ему некуда. Билет это — исписанный листок бумаги, на котором значится, что по каким-то существующим параграфам мне принадлежит 75% скидки. Кондуктор внимательно читает написанное, затем аккуратно складывает билет и опускает в свою сумку. Потом дружественно хлопает меня по плечу, как бы для того, чтоб не беспокоился, дескать все в порядке и обещает разбудить меня по прибытии в Славонский Брод напоминая, что тогда я получу обратно свой билет. В его голосе и обращении со мною чувствуется какая-то родительская заботливость и даже ласковость и совсем это не тот, который рычал на меня на перроне в Загребе. Но все же это он.

Наконец, опять же заботой моего кондуктора, я попадаю на боснийского «Чиру» (этим уменьшительным именем назывались маленькие узкоколейные поезда Слав. Брод — Сараево). Это последняя пересадка. Бояться мне больше нечего, к вечеру «Чиро» доставит меня в Сараево.

Езда в вагонах узкой колеи не так удобна. Все время приходится глотать отвратительный серый дым, так что уже после нескольких часов езды ты весь пропитан серой. Дым и копоть оседают всюду, а лицо к концу поездки, которая длится около 14 часов становится жирным серо-черным. В этом я убеждаюсь, видя свое отражение в куске разбитого зеркала, висящего в уборной. Но еду я не на свадьбу, и мне совсем безразлично, как выглядит моя рожа. Только бы поскорее добраться до этого далекого и незнакомого Сараева.

Еды у меня остается совсем малость: кусок высохшей булки и две «тетки-харитинины» холодные котлеты. Больше всего томит жажда. Пить можно только на больших станциях, а они встречаются редко. Правда на маленьких, к поезду, выносят воду крестьянские дети, но пить ее я все же не решаюсь. Да и мелочи у меня нет, а оставшихся несколько динар в бумажках надо беречь. Кто его знает, как мне придется в Сараево добираться от станции до корпуса.

Но вот, часам к девяти вечера, мы подбираемся к самому Сараево. В город нас еще не пускают, и мы стоим на какой-то станции чье название никак мне не удается прочесть. Но, вот маленький толчок, поезд как будто двигается и снова останавливается. Теперь я уже свободно читаю: «Алипашин Мост». Название кажется забавным, тем более, что не видно ни реки, ни моста (фактически там их и нет). А написано совсем по-русски только без твердого знака. «А есть ли в сербском алфавите «ять»? Ни в Алипашин, ни в Мост его не всунешь. Вероятно, есть, как и у нас».

Об этом я узнаю позже. Сейчас беспокойство о «ять» сменило другое: я боюсь чтобы наш поезд не запоздал с прибытием к последнему трамваю. По последнему письму брата, трамваи в Сараево не ходят целую ночь, а поэтому надо «торопиться» попасть хоть к последнему...

Хорошо ему торопиться, когда он уже там. А как это сделать мне? Как будто от меня зависит, что наш поезд так долго стоит в этом Алипашином Мосту. Я злюсь и на закрытый семафор, и на поезд, и на брата. Наконец, мы снова двигаемся и теперь уже в последний раз останавливаемся перед довольно

провинциальной неказистой станцией. Ни Загребу, ни Славонскому Броду она не чета. Но для критики у меня сейчас нет времени, надо торопиться к выходу и поскорее найти стоянку трамвая.

Проводник при выходе отбирает у меня билет, хотя я и пытаюсь зачем-то протестовать. На вокзальной площади масса народа. Все ожидают трамвая.

Оказывается, что трамвайная остановка у самой станции. Мне кажется, что это очень хорошо придумано. Как будто бы могло быть и по другому?

Надо попасть на трамвай, идущий вдоль набережной, На нем где-то должна быть большая буква «О». Так, по крайней мере, писал брат. Надо быть внимательным и не попасть на тот, который ходит с буквой «А» (по Александровской). Вот приближается первый трамвай, и я пру к нему как оголтелый, совсем забыв и про «О» и про «А». Из первого вагона меня выпроваживают, и мне приходится пробираться в «приколицу» (прицеп). Наконец, опускаю свой сундучек на пол, вынимаю динарную бумажку и плачу за себя и столько же за свой сундучок, но еще получаю какую-то сдачу. Кондуктор обещает показать мне последнюю станцию перед корпусом, на которой я должен буду вылезать. Теперь только я вспоминаю, что так и не посмотрел на букву, а влез в первый подошедший трамвай. Но то, что кондуктор не оспаривает моего направления указывает, что мне повезло, и попал я именно в тот с буквой «О».

Последняя остановка перед мостом Принципа, где в 1914 году, в июне было совершено покушение на эрцгерцога Франц-Фердинанда. Вот тут и заварилась каша.

Но тогда я еще не имел никакого понятия обо всем этом, и мост оказался совсем не привлекательным, даже, может быть, меньше чем несуществующий «Алипашин». Через мост перехожу на другую сторону реки Миляцки. Здесь где-то, совсем неподалеку расположен кадетский корпус. Он оказывается во втором квартале, по мою правую сторону и через несколько минут я, весьма не торжественно, грязный, усталый и измученный дорогой, вхожу в ворота корпуса, которые охраняет сербский солдат-часовой.

Наконец я в стенах корпуса. Здание расположено ввиде буквы «П». Масса дверей, но какие мои я не знаю. Еще меньше об этом знает часовой.

В комнате дежурного офицера свежо от открытого окна. Де-

журный офицер чем-то занят. При моем появлении он не подымает головы от стола. Дежурный кадет, который сопровождает меня, пользуясь занятостью воспитателя сообщает мне, что это капитан Лукин или «Шпилька», как его называют кадеты.

Наконец он подымает голову бросает на меня взгляд и испод пенсне видны его прищуренные, близорукие глаза. Как будто он чем-то удивлен.

Я беру под козырек. Уже в самом начале при отдании чести я вижу, что чем-то не угодил капитану. Ничего предосудительного в своем отдании чести я не замечаю. Но вижу, что воспитатель едва сдерживает себя, чтобы не повысить голос. Дело-то происходит уже, фактически, ночью и рота спит глубоким сном. Оказывается ему («Шпильке») не нравится мой отставленный (как он выражается) «пальчик», а еще больше он раздражен «полетом» моей правой руки. Он не верит, что у нас в Стрнище, всякий мало-мальски уважающий себя кадет отдает честь именно так: сперва правая рука с приготовленной для отдачи чести кистью, слегка отводится (на высоте уровня носа) в сторону (как бы расшаркиваясь) и под углом в 45 градусов резко с неуловимой быстротой подносится к козырьку фуражки притрагиваясь указательным пальцем к самому козырьку. Получается лихо и красиво. И еще красивей, если при этом мизинец чуть-чуть, небрежно отставлен в сторону.

По понятиям капитана Лукина, это крайняя распущенность, несоблюдение устава и неуважение к старшим. Знаю ли я устав? Набрасывается на меня «Шпилька». Конечно знаю, правда по-своему. Ведь мне было только 4 года, когда я с ним познакомился, вырвав из отцовского устава чуть ли не все страницы, на которых были напечатаны фигуры солдат, занятых самыми разнообразными военными упражнениями. Потом я всю эту бумажную армию присоединил к своим многочисленным оловянным и к, непропорционально большим, деревянным зуавам. Отец тогда уже был на фронте. Когда он узнал об этом, то сперва пришел в ужас, а после искренно смеялся. От него я и узнал. что пополнение моих военных кадров, стратегический бумажный резерв прибыл ко мне именно из устава. Теперь же устав начал у меня вырисовываться в другом свете...

Я все еще держу под козырек, но уже с придвинутым к другим пальцем мизинцем. Чувствую, что рука моя с каждой

минутой становится все тяжелее и как бы немеет и что я так долго не выдержу, к тому же меня страшно клонит ко сну. Но опустить руку я не имею права. Это я хорошо знаю, хотя и не знаю устава... Дальше выясняется, что капитан ожидает от меня «явку». Тут уже я ничего не понимаю. Какая еще может быть другая, когда я уже с четверть часа стою перед ним. С «явкой» ни у него, ни у меня ровным счетом ничего не получается. К тому же мое внимание привлечено, сейчас, какими-то медными «кругляками» навешанными на непокрашенной деревянной доске. О их назначении я узнаю позже. Они окажутся отпускными номерами, получаемыми нами при выходе в город. «Шпилька» прерывает мои размышления по поводу номеров и интересуется, как нас в Стрнище отпускали в город. По-моему это уже совершенно странный вопрос. Все мои объяснения, что у нас в Стрнище никаких отпусков не было, и ходили мы куда угодно и когда угодно без всяких ограничений часов и пространства, кажутся ему вымыслом. Не верит он и тому, что и в Феодосии перед тем, как идти в отпуск, нас выстраивали в одну шеренгу осматривали все ли в порядке и не порвано, и после этого по команде «Разойтись» мы отправлялись в город.

Что же мне остается делать? Не посылать же самого капитана Лукина в Стрнище, чтобы он убедился в правдивости моих слов. А раз говорит, что вру, значит вру... Ведь не спорить же мне с ним? И затем:

«Скорей померкнет неба свет, на землю явится Создатель,
чем прав окажется кадет, а виноватым воспитатель».

Это я хорошо знаю. Глаза мои уже совершенно слипаются, а рука, точно в нее накачали вместо крови ртуть, вот вот полетит вниз от тяжести. Наконец, Лукин требует от меня какие-то документы. Я пользуюсь этим случаем и, наконец, отрываю руку от головного убора и онемевшими пальцами из кармана штанов вытягиваю записку каптенармуса, скрепленную подписью капитана Жерововича. В этой записке перечислено выданное мне обмундирование вплоть до запасной пары портянок. Вот и все.

Видя, что от меня он не может добиться никакого толка, «Шпилька» наконец, отпускает меня, приказывая дежурному кадету уложить меня на кровати какого-то первоклассника, находящегося в этот момент в лазарете.

В спальне тускло мерцают высоко подвешенные к потолку две синие лампочки, наполняя комнату мутным холодным све-

том. Становится как-то не по себе — тоскливо... Но как приятно вытянуться в кровати после неудобного двухсуточного путешествия и неприятного знакомства с первым воспитателем в новом корпусе. «Что меня ждет завтра?» С этой мыслью я засыпаю.

А завтра от самой побудки ожидает меня все новое и такое непохожее на то, что было еще несколько дней назад: незнакомые лица моих новых одноклассников; какие-то «дядьки» (вице-унтер-офицеры, назначенные в помощь воспитателям в младших классах), не то настоящие кадеты, не то «полу-звери»; утреннее приветствие обходящего спальни дежурного воспитателя; фигуры кадет вытянувшихся смирно, где застала их команда, в рубашках и подштанниках, только что выскочивших из-под одеял и что-то напоминающее «Там тара-рам, господин капитан», что должно было быть ответным приветствием воспитателю; потом обжигающая ледяная вода в умывалке, умывание до пояса... Дальше строй, молитва, столовая. И опять молитва, «До-ля-фа» и «Очи всех на Тя, Господи, уповают...» Потом чай пахнущий половой тряпкой и большой кусок темного солдатского хлеба...

Первое знакомство с малиновым позваниванием савельевских шпор генерала Адамовича. Его твердый размашистый, гвардейский шаг... Мертвая тишина при его появлении в столовой. Опять утреннее приветствие и опять неразборчивый гулкий ответ вроде тар-та-ра-рама... Как он своей внешностью не походит на моего доброго, грузного «Деда» — генерала Римского-Корсакова. Затем строем в класс на занятия... Я плетусь позади строя в своем черном австрийском кадетском мундире, которому не находится места в строю. Очень короткое знакомство с моими новыми однокашниками и первая встреча с «Клопом».

Разрешите представить:

Подполковник Николай Николаевич Клопотовский. Он же и «Клоп» в квадрате и по фамилии и росту. На хорошо сидящем офицерском кителе старого образца висит Владимир, без мечей и без банта, за выслугу лет. Сам он как будто игрушечный от маленьких сапожек до головного убора. Лицо маленькое, подвижное с такими же подвижными бусинками вместо глаз. Они бегают то в одну, то в другую сторону, как будто бы ими он хочет объять необъятное, в данном случае свое отделение. Если смотреть на него сзади, можно подумать, что это

мой одноклассник. Спереди это впечатление рассеивается длинными усами.

Вот мой новый отделенный офицер-воспитатель, которому по правилам придется воспитывать меня до окончания корпуса. Мне уже сейчас становится смешно, когда я заглядываю в будущее. Ведь он и сейчас чуть ли не по плечо нашему правофланговому Жоржу Якимовичу. Да и старший отделения Николай Непокойчицкий выше его ростом, и, когда «клоп» разговаривает с ним, ему приходится смотреть снизу вверх. «Вот бы его отвезти в Стрище да подсунуть к нему «Кирюшку», вот был бы балаган!» Чего доброго Кирюшка бы с ним и чехарду затеял...

Отделение остается в классе, а я вместе с «Клопом» отправляемся в цейхгауз на переобмундирование. По дороге «Клоп» задает мне вопросы; голос у него приятный, ровный и мягкий, но то, что он говорит мне, напоминая ночную «явку» капитану Лукину, мне не по душе. На плацу он даже заставляет отдать ему «честь», как бы проверяя расказ капитана Лукина. Я со своей стороны хитрю и отдаю ему честь так, как и полагается без всяких «выкрутасов». Сперва я правда заявляю, что «к пустой голове руки не прикладывают» (это не относится к американцам, которые прикладывают ее и тогда, когда нет головного убора), но на его приказание удовлетворяю его любопытство. Мне кажется, что он чуточку разочарован. Теперь он приказывает мне отдать честь так, как я отдавал ночью. Мне ясно, что от него не отвяжешься, и я решаюсь сделать ему удовольствие, копируя перед ним ночное приветствие и делаю это с особенным «фасоном». В то же время я чувствую, что уже ненавижу «клопа», и что мне каши с ним не сварить в будущем.

Наконец мы у каптенармуса. При его помощи меня стригут под «ноль поль» переодевают во все новое и выдают пару суконных защитных погон. Малиновые полагаются только к выходной форме. После этого идем в лазарет корпуса, где происходит мое первое знакомство с нашим «коновалом»-доктором Далматовым. Опять раздеваюсь, произношу это ничего не значущее «А-а», даю сведения о детских болезнях, которыми я болел, и теперь уже отправляюсь в класс на занятия.

Одноклассники встречают меня дружелюбно. Их внимание хотя и льстит, но и раздражает. Чувствую, что являюсь своеобразной злободневной темой. Ильюшка Малиновский, с которым я знаком еще по руднику, на котором работают наши отцы, единственный мой знакомый. Он уже успел рассказать обо

мне и о нашем знакомстве. Я рад, что нашел «Кронидыча» (Илюшкино отчество) и что у меня все же есть кто-то свой, к кому я могу обратиться за советом. На переменке появляется и мой брат, переведенный в Сараево раньше меня. Он мне рассказывает о новостях из дома и сразу же заставляет меня написать письмо родителям. Ах, до чего же я не люблю заниматься этим делом: это для меня тяжелая обязанность, тем более, что мне кажется, что и писать-то мне нечего. Благополучно добрался до Сараево и вот уже в корпусе. Чего тут писать? А родителям то и волноваться нечего. Ведь я совершенно здоров, и все в порядке.

Постепенно я втягиваюсь в общую массу и завожу дружбу с таким же «пылким гусаром» — как и я — Жоржем Якимовичем, а после и с князем Джуричем. Странно, что здесь никто не вербует в корпуса, хотя Русский корпус слит из двух, Киевского и Одесского. Камень преткновения между этими корпусами, точно как и в Крымском, — цук. В Одесском — цук, в Киевском его нет. Кадровых кадет из этих корпусов, в нашем классе нет. Не успели во время родиться, и все мои одноклассники впервые поступили в корпус уже здесь, в Югославии. Нет в моем классе и приписных (как в Крымском). Очевидно старшие не интересуются мелюзгой. Но в классе есть симпатизирующие: кн. Джурич, явно, одессит, Якимович — киевлянин. Брат его оказывается кадет Киевского корпуса, сейчас «Владикавказец» в Стрнище.

У меня диллема: одна из моих бабушек гречанка из Акермана. По ней я мог бы быть одесситом. В Киеве у меня никого не было, но почему-то Киев для меня кажется более родным. В общем же я остаюсь и дальше «Полтавцем» и таю в себе надежду встретиться и поговорить с переведенным из Крымского корпуса «генералом выпуска» Полтавского корпуса — Куляпкой. Мне кажется это очень важным, но случай не подворачивается. Да это и понятно. Всякое общение с малышами кадетам старших классов воспрещено.

Вскоре я знакомлюсь с первыми прогулками, которые здесь устраиваются отделениями под командой воспитателей. Обыкновенно эти прогулки происходят в двух направлениях: в горы к Требевичу или вдоль реки Миляцки к «Козьей чуприи» (козьему мосту). Эти прогулки особенно приятны, ибо происходят, обыкновенно, после утреннего завтрака и освобождают нас от последних двух уроков. И весна в Боснии чудесная, и так приятно побыть на воздухе вне стен класса. К тому же и

уроки и дисциплина во время преподавания не сравнимы с той, к которой я привык в Стрнище.

Хотя надо отдать справедливость, что многими преподавателями я очень доволен и на некоторых уроках бывает даже интересно. Скажем, когда увлекшийся преподаванием полковник Протопопов (географ) картинно представляет нам его прибытие в Омск. Оказывается из вагона нельзя было увидеть города. И вот почему: все существующее свободное пространство перед городом и станцией было невероятно завалено огромными бочками, в которых находилось чудное сливочное масло. То, что он подъезжал к Омску в летнее время (судя по его рассказу) не смущало его, и то, в каком состоянии должно было находиться это фантастическое масло под лучами палящего летнего солнца, должно быть его не интересовало. А нас и подавно.

Но все это преподносилось так красочно и картинно, что никто из нас не имел даже поползновения задать ему вопрос по этому поводу. Если кто-либо и объявлялся из «Фом-неверных», на него сразу же ополчались: дескать, не любо не слушай, а врать не мешай.

Очень хорошо и занятно преподавала нам русский язык удивительно милая и симпатичная Вера Яковлевна Велигорская. Но насколько было интересно на ее уроках русского языка, настолько было нудно высиживать часы чистописания, которое она также преподавала в нашем классе. Не любили мы и уроков рисования, которое преподавал нам подполковник Реммерт.

Старшим классом в нашей роте является *третий* (7-й выпуск).

Это тот выпуск, в котором только редкие дошли до выпускного экзамена. Остальные или застряли или были удалены из корпуса за тихое учение и громкое поведение. Одним из первых оказался Алеха Пащекин, он же «Циклоп» или «Блют». Это он устраивал нам малышам «ассамблеи», на которых показывал «звезды» через рукава наших курток, обливая нас холодной водою. Или показывал нам несуществующего «Наполеона на лошади» и другие балаганные атракционы. Это он в своей жизненной карьере не пошел дальше телеграфиста и, сидя на ночных дежурствах, обматывал тряпочками выстукивающие молоточки аппаратов, чтобы не мешали ему спать. Это его «попросили» уйти из почты, после чего он посвятил себя

карьере шофера такси. И это он, по личной инициативе и без всякой материальной помощи (уже во времена Тито) собрал кости кадет и генерала Адамовича похороненных на военном кладбище и перевез и похоронил на новом кладбище, — того самого генерала Адамовича, который особенно недолюбливал его и исключил из корпуса.

Во втором классе у меня уже есть какой-то неприятель. Маленький, рыжий с отвисшей губой. Я не знаю, почему он не взлюбил меня и все время пристает ко мне и придирается. При встречах, в коридоре, на плацу он намеренно старается задеть меня «плечиком» или локтем или подставить ножку. Всегда он это делает молча и кажется, что очень доволен, когда видит, что привел меня в недоумение. Я стараюсь избегать с ним всяких встреч.

Командиром третьей роты является полковник Валериан Иванович Греков. Если бы я был художником, то писал бы его портрет исключительно широкими, размашистыми, жирными мазками, и никаким другим способом. Низкий, приземистый, точно вросший в землю, он напоминает кряжистый пень. Но кличка у него не пень, а «бык». Дана она ему по двум причинам: одна — у него низкая, широкая, точно «сбитая» красная шея, которой он непрерывно мотает точно силится этим движением отогнать невидимых назойливых мух; другая — это «капля никотина введенная (по каким-то научным соображениям) в кровь *быка* убивает его на месте» — этот околевший бык и маленькая капля никотина необходимое заключение всех его речей перед строем, о чем бы он ни говорил. Лицо у него круглое, широкое, тоже красное. Испещрено оно мелкими синими жилками, очень напоминающими реки на географических картах, глаза маленькие, веки припухшие; большой мясистый нос величиной с крупную сливу, да и цвет подходящий; под нижней губой у него маленький седенький треугольник, который должен изображать бороду.

Приветствуем его всегда в строю, перед завтраком, т. е. в самое критическое время для кадетских желудков. После приветствия он осторожно из бокового кармана кителя, достает футлярчик с пенсне и, удобно посадив его на самую переносицу своей «сливы», приступает к «обязанностям» ротного командира, пуская в ход свое «красноречие» и не переставая мотать шеей. Любимой его темой оказываются портянки (вместе с ботинками они оставляются, перед сном в коридоре, около спальни). После портянок следует наставление о чистоте убор-

ных, порядке в умывалке и, наконец, о вреде курения табака, с обязательным примером несчастного околевшего быка.

Хорошо, что мы очень молоды и быстро забываем все то, что нам не по душе к тому же и не вникаем во все говорящееся, а самое главное, что мы являемся обладателями волчьего аппетита.

Наконец фонтан красноречия полностью исчерпан. Пенсне «Демосфена» благополучно влезает в свой саквояжик и успокаивается во внутреннем кармане кителя, довольного своими педагогическими наставлениями «быка», и дежурный офицер получает разрешение вести роту в столовую.

Среди воспитателей третьей роты, особенное внимание обращает на себя однорукий капитан Лавров — «Лаврушка», с загнутыми, ввиде колечка, усиками. Где и когда он потерял руку, никто толком не знает. Об этом ходят самые разнообразные толки, вплоть до анекдотов. Незабываемыми остаются его нервные движения единственной руки, пальцами которой он часто теребит мочку своего уха, закручивая ее в трубочку, точно она у него из папиросной бумаги. Он очень любит говорить, рассказывать и удивлять кадет автобиографическими сведениями, граничащими с фантазией. Этим очень напоминает полковника Протопопова. Иногда он настолько увлекается, что сам не в состоянии отделить быль от небылиц.

Классическими примерами этого служат: Его «окапыванье» на дереве (во время войны?) и рассказ об внезапном обстреле Киева петлюровцами, который застает его в обществе жены и тещи, где-то на Крещатике. Не теряясь, он хватает под одну руку жену, под другую(?) тещу... и при этом забывает, что к тому времени он уже являлся обладателем только одной руки. Несмотря на то, что мы в состоянии отделить правду от вымысла, никто из нас по отношению к «Лаврушке» не бывает нетактичным. Даже между собою у нас не принято говорить, что он «брешет». Для этого припасено другое, более вежливое выражение: «Заливает».

Представительных «зверей» в корпусе мало.

Когда я делюсь, по поводу этого, впечатлениями с моим братом и критикую многих, начиная с ротного командира, брат уверяет, что Валериан Иванович хороший и заботливый командир. Может быть, это и так. Мы — самые младшие и нам не известно какой командир роты хороший, а какой нет. Но нам хочется, чтоб он был подтянутым, таким как полагается быть строевику, скажем, как командир первой роты полковник Орлицкий.

Центральной фигурой для нас остается наш «клоп». Он много внимания уделяет своей внешности, очень аккуратен, выправка у него хорошая, только недостает роста. Слишком мелок. Живет «клоп» в самом центре города, тогда как другие воспитатели с их семьями ютятся в стареньких босанских домиках по преимуществу вблизи корпуса. Сиречь, в более бедной части города, которая принадлежит «Востоку».

Само Сараево делится на «Восток», где главным образом живут мусульмане (остатки потуреченных славян), преимущественно беднота, мастеровые и прочий рабочий люд, и на «Запад». Это фешенебельная часть города с хорошими асфальтированными улицами, нарядными парками, правительственными учреждениями, банками, театром, кинематографами и со вкусом декорированными магазинами, кондитерскими и прочим без чего «западу» обойтись трудно. На «западе» расположены и монументальные христианские и еврейские храмы, в то время как «Восток» засеян маленькими мусульманскими усыпальницами, мечетями, минаретами и заброшенными и забытыми мусульманскими надгробными камнями, которые встречаются в самых неожиданных местах.

Особенно строгим, пожалуй, «клопа» не назовешь. Но иногда он бывает пунктуальным, придирчивым и упрямым. У большинства из нас происходят с ним нелады из-за карманных денег. По правилам корпуса, собственные деньги должны находиться на хранении у воспитателей. Перед отпускными днями составляется список желающих израсходовать свою копейку, на сладости, марки или иногда на посещение кино.

В списке, который старший отделения, перед выходными днями, преподносит «клопу», существует графа, в которой надо точно указать на что именно предполагается деньги истратить. А на что может тратить деньги первоклассник, если не на сладости? Список поступает на рассмотрение «клопу». Мы уже по опыту знаем, что если надо 3 динара, надо просить шесть. Получить от «клопа» пять даже тогда, когда по твоим подсчетам у тебя на сбережении есть двадцать (цифра фантастически высокая), невозможно. Максимум 3 динара и никаких гвоздей.

Посылки и сладости, которые мы получаем от наших родителей, родственников или знакомых размещены на полках в специальной кладовой, ключи от которой висят в комнате дежурного воспитателя. Один или два раза в день открывается «святое-святых», и тот у кого есть там посылочка берет из нее

то, что ему хочется. У нас с братом общая посылка полученная к Пасхе. Чего только не напекли и ни уложили в нее заботливые мамины руки: куличи, шоколадная мазурка, «минутки», которые в секунду таят во рту, мазурка «Цыганка», заварная сырная пасха, какие-то новые (вероятно, сделанные по местным рецептам) печенья и прочее, которое она с такой любовью пекла и укладывала, чтобы порадовать нас.

Мало кто из кадет уезжает на Пасху: скоро летние каникулы. А поездки, хоть мы и имеем 75% скидки на железных дорогах, все же не по карманам наших родителей. Погода стоит чудная. Лучшей и не придумаешь. Ласковый теплый сирокко, долетевший к нам из далекой Африки. Солнце, голубое безоблачное небо... Уроков нет.

Все мы проводим больше времени на корпусном плацу. Кто играет в лапту, кто в городки выбивая «попа» на распечатке, кто занят на гимнастических снарядах. Малыши взбираются на «Эверест», лазя по высокой приставленной к стене лестнице. Старшие заняты турником или параллельными брусьями... В общем каждый занят своим делом. А проголадаются, соберутся стайкой и к дежурному воспитателю с просьбой порыться и полакомиться посылками. Воспитатели охотно исполняют просьбу. Им и самим скучно и они непрочь чем-нибудь развлечься. Каждый берет сколько ему нужно для себя и чтоб угостить товарища, и «пулей» снова на плац.

Директор корпуса производит на меня впечатление боевого, строгого генерала, хотя это в полной противоположности с «журавлем», распеваемым кадетами. Из песни слов не выкинешь, но правда и то, что рифма одно, а правда другое, хотя и не обязательно.

За его бравый вид мы ему прощаем часто беспричинную строгость и любимчиков. А они у него есть. Есть почти что в каждом классе.

Он обладает способностями быть незримым и вездесущим. К тому же его появление можно ожидать, когда угодно и где угодно, в любом месте. И хотя все мы это очень хорошо знаем, он всегда застает кого-либо врасплох. Ерохин-«Ерошка» уверяет, что он как Дух Святой, только в савельевских шпорах. Обыкновенно только «малиновый звон» предостерегает о приближающейся опасности. А уж найти ему что-либо, что находится в противоречии с правилами корпуса, дневным расписанием и тому подобным, легче легкого. Сплошной пустяк. И

взгляд его глаз такой, что кажется, что он насквозь каждого из нас видит, и скрыться от этого взгляда некуда.

Мы знаем, что генерал Адамович носит звание русского генерала высоко и с достоинством. Знаем и то, что ему открыты двери во дворец Короля и местные, как гражданские, так и военные власти во главе с генералом Смиляничем, относятся к нему с подобающим уважением. Пользуется он уважением и у местного общества, доказательством чего служат наши товарищи кадеты Черногорцы, Сербы, а в будущем и 2 Словенца, сыновья морского офицера Шитника. Все это нами приписывается в плюс, и мы охотно прощаем «Адаму» многие ненужные строгости, а, может быть, даже и странности.

Может быть, мы еще слишком малы, чтобы правильно оценить все то, что он делает для корпуса, может быть, это нас совсем мало интересует, ибо мы заняты своими детскими — мальчишескими играми и шалостями, но все же мы чувствуем и ценим «Адама»: за его любовь к России, которую он проявляет на каждом шагу и старается внедрить в нас также, как старается привить нам любовь к церкви и православию. Стены корпуса, начиная от площадки парадной лестницы и кончая стенами огромного зала, который в праздничные дни, при помощи передвижного иконостаса, превращается в нашу церковь, испещрены изречениями из Евангелия, цитатами великих царей, ученых и полководцев. Портреты царей и вождей белого движения украшают зал и прилежащую к нему читальню. Всюду в коридорах неимоверное количество репродукций картин лучших русских художников. Портреты героев Отечественной войны, батальные сцены и масса пейзажей русской природы...

И вот несмотря на то, что где-то внутри мы ощущаем его заслуги, мы все же оказываемся в праве называть его самым суровым «зверем» или «малиновым попугаем». А в общем он больше фигурирует у нас под кличкой «Адам».

Так как в нашем классе нет ни Киевлян, ни Одесситов, даже и приписных не больше двух, мы делимся на два табора: Моряков и Кавалеристов. Небольшое исключение составляют два, три человека, как Кока Цабель и Вася Новицкий, считающие себя артиллеристами. Представителей «Царицы полей» — нет. «Пехота не пыли». Зато «самотопов» (почему-то все из них хотят служить на «Новике») и гусар — хоть отбавляй. Между ними идет открытая борьба и каждый страстно желает и пытается доказать противнику, что его род войска лучше

другого. Иногда дело доходит до драк и потасовок. В этих потасовках принимают участие все заинтересованные, кроме сыновей сербского протопопа из Белграда, братьев Петровичей. Их у нас двое Павле и Миле. Да еще маленький черногорец Милутин Деля. Они попросту ничего в наших спорах не понимают.

У каждого из нас есть собственные частные тетради, в которых моряки зарисовывают силуэты военных кораблей, а кавалеристы занимаются рисованием и раскраской «формочек». И одни и другие вписывают в эти тетради необходимые данные. Моряки об узлах, мачтах и орудиях, а кавалеристы записывают полковые традиции, стоянки полков; масти лошадей и все то, что какими-то путями попадает в наши руки и кажется совершенно необходимым. Так, к примеру сказать, я великолепно знаю и про Ченстохов, и про Луцк, и Владимир Волынск, и другие стоянки, но совершенно не знаю, где они находятся, ибо географические познания оставляют желать много лучшего. Моряки вечно спорят о быстроходности судов, о разных «норд-остах», узлах, а мы о ментиках и разных традициях.

Кажется, что будущее нас не смущает. Мы, как бы живем снами, избегая суровой действительности. Разве, что у «моряков» появляются какие-то сомнения относительно продолжения военного образования, хотя они знают, что где-то в Бизерте все еще существует морской корпус и класс гардемаринов. А нам-то беспокоиться нечего. Все мы «кавалеристы» по окончании корпуса, конечно, поступим в Николаевское кавалерийское училище в Белой Церкви. То что здесь в Югославии (тогда еще в королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев) нет ни Владимира Волынского, ни Самары, ни Луцка или то, что остатки славных полков разбросаны сейчас на постройках шоссейных дорог или находятся на границах государства в пограничной страже, нас не волнует. Это временное. К нашему окончанию корпуса все изменится (?) и, конечно, к лучшему...

Последние дни перед летними каникулами проходят довольно оживленно в поправках баллов для перехода во второй класс. Лично у меня по всем предметам удовлетворительные, кроме арифметики, с которой я определенно не в ладах. Собственно говоря, она мне и не нужна, ведь в артиллерию выходить я не собираюсь?

Арифметику преподает подполковник Кадьян, фигурой подстать Илье Муромцу, с огромными пушистыми усами. Вызывая поодиночке к доске, он вращает круглыми карими глаза-

ми, как колесами. Несмотря на то, что эту его привычку все мы хорошо знаем, нам всегда бывает забавно наблюдать за этими движениями. Для посторонних все это, может быть, и страшным, но мы знаем, что это не так. Он добрый, к тому же у него нет ни малейшего желания кого-либо из нас провалить. Вызывает всех по алфавиту, но меня почему-то перескакивает. «Неужели мне поставил удовлетворительную отметку?» И сразу же другая беспокойная мысль: «Может быть, переэкзаменовка? Или оставят на второй год?» («Боже до каких же пор я буду сидеть в первом классе?»). Я набираюсь смелости, встаю и жду, когда подполковник Кадьян обратит на меня внимание.

Оказывается, по его мнению, для меня лучше «повторить пройденное». Тут уже не может быть никаких сомнений, что мне уготовано звание «майора» с оставлением на второй год. Я пускаю в ход свое красноречие, пытаясь доказать, что мои знания не на столько уж плохи. Очевидно, это возымело действие и я стою уже около доски.

Со страхом взираю на подчеркнутую ногтем задачу и все еще не решаюсь приступить к чтению. Оказывается к моей радости там нет ни ситца, ни сукна и с торговлей не имеет ничего общего. Мне предстояло заняться не то каменщиками, «укладывающими» для Малинина и Буренина какую-то, только им нужную, стену или тоже никому ненужными, копателями. Что они копали не помню. И, «о, чудо!» без всякой посторонней помощи я очень быстро разбираюсь в задании и на удивление самого себя, окружающих и преподавателя правильно решаю задачу.

Пожалуй, это будет моей самой блестящей победой в области математики на протяжении всего восьмилетнего пребывания в корпусе. За такое решение, по моему мнению, мне полагается *полный* балл, но я доволен и семеркой, которая красуется в журнале против моей фамилии.

Теперь я уже во втором классе! Как хорошо чувствовать себя зная, что ты уже не являешься самым младшим.

Вскоре состоится разъезд на каникулы.

До свиданья до осени, до нового учебного года.

* * *

Эту часть воспоминаний посвящаю своим товарищам по выпуску, принявшим и приютившим меня в своей среде по пе-

реводе из Стрница. С ними я прошел общий путь от 1-го класса до 8-го включительно. Вместе мы вышли из корпуса молодыми, бодрыми, уверенными в своем счастье, в своей силе. А потом разбрелись по разным тропам и дорогам, чтобы с теми, к кому судьба оказалась более снисходительной, встретиться уже убеленными сединой и умудренными суровым жизненным опытом. В этом году наш *девятый* выпуск справляет сорокачетырех летний юбилей окончания корпуса, а я — пятидесятилетие своего поступления в корпус.

Алексей Мальчевский

Пало Алто.

РЕШЕНИЕ КРЕСТОСЛОВИЦЫ № 4

Горизонтально : 5) Буян. 6) Улан. 10) Яна. 11) Она, 13) Акт, 14 Маринад. 16) Дир, 17) Ива. 18) Чучело. 19) Карцер. 20) Инд, 22) Тако. 25) Айва. 27) Хабаровск. 28) Утро, 29) Урок. 30) Трюк, 32) Идол. 34) Анна. 35) Галка. 36) Агат.

Вертикально : 1) Куча мала, 2) Внутри. 3) Бузина. 4) Самодрал. 7) Пятачек. 8) Кадуцей. 9) Расчет. 12) Прорва. 15) Иван. 20) Игарка. 21) Дротик, 23) Алтын. 24) Охота. 25) Акула. 26) Втора, 31) Юг, 33) Да.

...А ПОТОМ ДОКАЗЫВАЙ, ЧТО НЕ ВЕРБЛЮД!

Зима 1929-го года. В Горажде снегу нападало порядочно.

Как-то под вечер после занятий я бродил по дороге, проходившей между бараками, где располагались 1-ая и 2-ая сотни. Вижу, как несколько кадет катят по дороге снежный шар. Спрашиваю, что будут делать с ним? — «Да ничего, просто катим» отвечают. «Жалко, говорю, чтобы такой труд пропал зря; давайте попробуем докатить его до звериного общежития и завалить выходные двери. Посмотрим, какая реакция будет». Идея была подхвачена, и шар медленно покатился по дороге. Но до общжития было несколько сот метров, а с каждым оборотом снежный шар рос и рос, становясь огромных размеров. Всех, проходивших мимо кадет, мы привлекали подсобить. Иногда становилось невмоготу, и приходилось часть снега с шара счищать.

В результате, когда, обливаясь потом, мы вкатили шар в большие двухстворчатые двери, это была снежная гора, подобравшая на своем пути сухие листья, ветки и камни с дороги, и совершенно закрывшая двери.

Окончив работу, мы предусмотрительно ретировались в барак и расселись на кроватях.

Один же из нас, одолеваемый любопытством, залег за кустом в саду перед домом и стал наблюдать.

В доме, где размещались квартиры персонала корпуса, жил также и жандармский майор, командир местного жандармского управления.

Несмотря на то, что он имел очень интересную жену, по которой вздыхали многие кадеты, характер у него был чрезвычайно вспыльчивый и злостный. И кадет он не любил.

И нужно же было ему первому захотеть выйти из дома!

Из-за дверей послышалась страшнейшая брань на местном языке. Рассвирепевший майор выхватил шашку и начал прорубаться через заваливший двери снег. Но, о ужас! — шашка ударилась о камень, закатанный в шаре, и клинок отлетел со звоном в сторону.

Ругань достигла своего апогея, но майору все же удалось перелезть через снежную баррикаду, и он стремительно бросился по дорожке через сад к главной дороге. Лежавший за кустом кадет подумал, что майор заметил его. Нервы не вы-

держали, он вскочил и понесся тоже к выходу на главную дорогу. Но майор, будучи хорошим спортсменом, стал его нагонять. Однако судьба к беглецу смилостивилась: майор споткнулся и растянулся во всю длину на дороге!

Мы же, участники этого предприятия, в это время с невинным видом сидели в бараке. Вдруг распахнулась дверь, и, подобно бомбе, в барак влетел кадет, карауливший в саду, и ласточкой бросился под одну из кроватей. Через пару секунд вслед за ним ворвался майор. Вид у него был обезумевший, а весь мундир в грязи и в снегу. На момент остановившись, и окинув быстрым взглядом сидевших, он схватил за руку одного из кадет и выволок из барака. Бедняга совершенно не был причастен к выше описанному эпизоду, и вина его заключалась лишь в том, что он был единственным из сидящих маленького роста, как и беглец. Это обстоятельство, вероятно, и вызвало подозрение майора.

Приволок майор несчастного в жандармскую станцию, вызвал жандармов и приказал запереть его в арестантскую коморку. Когда дверь за ним захлопнулась, он услышал распоряжение майора принести прутьев.

Дело принимало серьезный оборот. Выпорят невинного, «а потом доказывай, что не верблюд».

Но что было делать? Присел он на корточки у двери и стал прислушиваться, что делается за дверью.

Через некоторое время послышались приближающиеся шаги и голоса. Щелкнул замок, и в дверях появилась фигура огромного жандарма, державшего в руке пучек прутьев. Времени на размышление не было. Наш маленький узник вскочил, стрелой прошмыгнул под рукой у верзилы и был таков!

На следующее утро первые две сотни были выстроены перед бараками. Командир первой сотни прочел приказ по Корпусу с разносом за шалость, и закончил словами: «Впредь запрещается закатывать снегом двери дома, где живет персонал корпуса».

Е. Кормилев Д. К.К.

ПЕРВЫЙ ДРУГ

(Из воспоминаний)

Еще во время пребывания моего на Философском факультете Белградского Университета у меня созрело твердое решение: по окончании курса устраиваться преподавателем в одно из русских учебных заведений на территории Королевства Югославии. Я чувствовал, что работа с русской молодежью даст мне моральное удовлетворение, хотя в материальном отношении это давало гораздо меньше, чем поступление на государственную службу. Решение мое осталось неизменным и после окончания курса, — и нужно сказать, что в решении этом я никогда впоследствии не раскаивался.

Осуществить это намерение, однако, было не так просто. Вакансий на должности преподавателей не было, нужно было ждать, пока кто-нибудь из стариков-преподавателей выйдет на пенсию. В ожидании этого я жил в Белграде, зарабатывая, впрочем, весьма неплохо частными уроками, переводами и всякими случайными заработками.

Наконец наступил долгожданный день — я получил от Учебного Отдела Державной Комиссии по Делам Русских Беженцев извещение о том, что я назначен преподавателем русского языка и истории в Первый Русский Кадетский Корпус в Белой Церкви. В ликующем настроении я немедленно засел за подготовку соответствующих курсов.

Однако, когда я поделился этой радостью со своими друзьями и знакомыми, реакция многих из них была неожиданной и для меня в высшей степени обескураживающей...

«Вы?.. В Кадетский Корпус?.. Да вас там съедят!..»

Несколько озадаченный, я робко осведомился о причине такого мрачного предсказания.

«Да разве вы не знаете, что кадеты не терпят штатских преподавателей? Там и военным преподавать не легко, а вы даже на военной службе никогда не служили!.. Съедят!..»

Отстаивая свои позиции, я пытался указать, что — насколько мне известно — теперь в Корпусе преподают не только штатские, но даже дамы. Однако, мои оппоненты оставались непреклонными:

«Дамы иное дело... Кадеты все-таки рыцари в душе и дам щадят, а вас... Съедят!.. Со свету сживут!.. Отказывайтесь, пока не поздно!»

Отказываться я, разумеется, не собирался, но ликующее настроение мое значительно омрачилось... Кто их знает, может и впрямь?.. Несколько успокаивало меня то обстоятельство, что по началу я должен был преподавать только в младших классах. Но ведь когда-то придется перейти и в старшие... Да и о детишках младшего возраста известно, что в отдельности они ангелочки, а все вместе — чертенята... Я стал ожидать первого соприкосновения с «кадетской массой» в несколько нервном настроении.

А до соприкосновения этого дошло раньше, чем я ожидал. — На мой запрос, когда мне надлежит явиться к месту службы, пришел из канцелярии Корпуса ответ, что, хотя я официально зачислен в списки служащих только с 1-го сентября, крайне желательно мое присутствие на переэкзаменовках в конце августа.

За день до начала переэкзаменовок я погрузился на Дунайском вокзале Белграда в дневной поезд, в составе которого был вагон, идущий прямо в Белую Церковь, без необходимости пересаживаться на узловой станции Вршац. Вагон был сначала почти пуст, но вскоре я услышал в коридоре звонкие молодые голоса. Говорили по-русски. — Это была группа кадет, направляющихся в Белую Церковь на переэкзаменовки. Вскоре один из них — на переходе из третьей роты во вторую — вошел в мое купе, где нас оказалось только двое. Поезд тронулся; мы разговорились. Тонкими наводящими вопросами я пытался выяснить отношение кадет к штатским преподавателям, так сказать, из первоисточника. Напрасно — кадет явно не понимал, чего я добиваюсь. Тогда, поставив «ва-банк», я как бы случайно в разговоре упомянул, что еду преподавать в Корпусе...

У моего собеседника округлились не только глаза, но и рот... Несколько минут эти три «округленности» были устремлены на меня в полной неподвижности, затем обладатель их встряхнулся, пробормотал что-то невнятное и вышел из купе.

В предвидении того, что сейчас произойдет, я достал с полки взятую с собой в дорогу книгу, закурил и, приняв небрежную позу, «погрузился в чтение», не переставая коситься на дверь купе.

Кто ездил по Югославским железным дорогам помнит, что вагоны третьего класса были разного типа. Тот, в котором я находился, состоял из отдельных купе со скользящими дверями, при чем середина двери была стеклянная, чтобы кондук-

тору при проверке билетов было сразу видно, есть ли в купе новые пассажиры.

И вот, мимо этой полу-стеклянной двери медленно продефилировали один за другим все находившиеся в вагоне кадеты... Каждый, задерживаясь на несколько секунд, бросал на меня два пытливых взгляда — один на пути в одну сторону, другой при возвращении. Напрашивалось сравнение с диким зверем в клетке, но мне, вероятно, как будущему преподавателю литературы, припомнилось другое. В моей памяти всплыл отрывок из «Крестьянских детей» Некрасова. — Автор во время охотничьего похода лежит отдыхая в сарае, а сквозь щели стен на него смотрят любопытные глаза крестьянских ребятишек. Автор резюмирует:

"Что было со мною — всему подивились
И мой приговор изрекли:
Такому-то гусю уж что за охота!
Лежал бы себе на печи!"

А что приговор мне был вынесен именно в таком духе, свидетельствовало поведение моего нового знакомого. Он вернулся в купе с очень озабоченным видом. Некоторое время он сидел молча, видимо — напряженно над чем-то раздумывая. Потом он поднял на меня свои ясные детские глаза и сказал очень серьезно:

«Вы знаете... я советую вам быть строгим...»

Настала моя очередь остолбенеть от неожиданности и изумления. Возможно, что мои глаза и рот в тот момент округлились также, как незадолго перед тем у моего попутчика. К счастью, он был слишком занят своими мыслями — и продолжал все так же серьезно и вдумчиво:

«Тогда вас будут бояться... и будут готовить уроки... и в классе у вас будет порядок...»

Он сделал паузу.

«А если не будете строгим, то вас никто не будет бояться... на уроках у вас будет шум... беспорядок... И вообще...»

Он безнадежно махнул рукой.

Тем временем я успел опомниться и выйти из состояния легкого шока.

Я горячо поблагодарил моего нового знакомого (и будущего ученика!) и обещал непременно воспользоваться его советом.

На душе у меня опять царило ликование, — в этой загадочной, потенциально враждебной кадетской массе у меня уже

был один искренний доброжелатель, позволю себе сказать — друг.

А что это был друг, не подлежало никакому сомнению. Потому что — положа руку на сердце, кадеты — многие ли из вас решились посоветовать своему преподавателю быть с вами построже, т. е., в переводе на обыденный язык «лепить» вам двойки и единицы за ваши... не всегда удачные ответы, записывать в штрафной журнал и т. п., и т. п.?

В. К-ий

ЕЩЕ О ВАРЯГАХ И ПЛЕМЕНИ РУСЬ

От Редактора: Журнал наш крепнет, число сотрудников растет, принимая во внимане §6 Резолюции Третьего Съезда о Связи — "Кадетская Перекличка", помещаем интересное историческое исследование нашего однокашника, Александра-Карпова, кадета 2-го выпуска Крымского кадетского Корпуса.

В последнее время появились труды, посвященные доказательству ошибочности так называемой Норманнской теории. Как известно, Норманнская теория объясняет возникновение древней Руси и ее названия от варяжеского племени Русь, каковое племя, по историку Погодину, Скандинавского происхождения. Это была официальная версия, повторявшаяся во всех учебниках, предназначенных для изучения истории Российского Государства.

Среди новых книг, отвергающих Норманнскую теорию, изданных заграницей, особенно выделяются: «Изгнание Норманнов» Наталии Ильиной и «Русь откуда Ты?» Сергея Лесного. (Ниже, ссылаясь на эти книги, после данных, взятых из первой книги, я буду ставить номер страницы и буквы И. Н., а после взятых из второй — только номер страницы).

Эти книги указывают на тенденциозность некоторых историков, сторонников Норманнской теории, а также на ошибочное толкование существующих исторических источников. Главные из них — летописи. О их толковании Сергей Лесной пишет на странице 36 своего труда: «...летописи не только недостаточно точно понимались, но и не все они изучались и сравнивались». Отбросив тенденциозных историков, нужно признать, что толкование летописей даже добросовестными историками было, действительно «не достаточно точным», если на основании одних и тех же летописей профессора норманист Шахматов и антинорманист Ломоносов могли придти к совершенно

разным заключениям о происхождении Руси и ее названия!

«Но выводы историка «не догматы», и каждый смеет их проверить своими познаниями, остротой своей исторической памяти, силой своего разума и духовным ведением своей души», утверждает Наталия Ильина на стр. 12 своей книги «Изгнание Варягов».

Надеясь, что никто не помешает мне поместить себя в категорию «каждого» и, желая использовать данное мне разрешение, хочу поделиться некоторыми соображениями, касающимися толкования одного всем известного места Лаврентиевской летописи о призвании Варягов. Это место гласит: «Реша сами в себе: «поищем себе князя, иже бы володел нами и судил по праву». Идоша за море к Варягам к Руси, сице бо зваху тьи Варязи Русь, яко се друзии зовутся Свое, друзии же Урмане, Англяне, друзии Гъти; тако и си». (стр. 16, Н. И.) Это оригинальный текст летописи. Он очень краток и сжат и не дает объяснения, где жили Варяги-Русь? Поскольку Летопись говорит о Варягах с названием «Русь», может быть, были Варяги и с другими названиями? Летопись не отвечает на эти вопросы. Чтобы ответить, можно делать только предположения. Это делалось уже много раз, а я попытаюсь сделать это ниже:

Будем считать установленным, что:

1. Варяги — это профессия, а не название народа. Норманнисты и Антинорманнисты производят слово «варяг» от словесной шведской формы waring — воин или от греческого и однозвучного германского warang — мечник, (стр. 24 Н. И.). В английском словаре Webster можно найти слово Varangian — наемник или человек, принесший клятву, происшедшее от старонорманнского varar — клятва. В Америке и теперь пользуются словом Varig в качестве названия фирм. Есть авиационная компания Varig, поддерживающая воздушное сообщение между Нью-Йорком и Южной Америкой. Вобщем, несомненно: варяг — это наемный воин.

2. Русь, как народ Руссы, существовал задолго до призвания Рюрика, в 862 году. Существует множество доказательств этому, сводка которым приводится в «Русь откуда Ты» Сергея Лесного. Одно из них — грузинский манускрипт 1042 года об осаде Царьграда руссами в 626 году. (стр. 92).

3. Ко времени призвания Варягов новгородцами, Русью уже называлось государственное образование славянских племен, живших между Карпатами и Днепром и на Днепре. (стр. 22

и 41). Новгородские славяне (Словене) ко времени призвания Варягов еще так не назывались и не считали себя Русью.

Теперь вспомним кем были Варяги для днепровских славян, Руси, и для северных — новгородских «Словен»? У обоих они появлялись в нескольких видах:

1. В виде неприятеля — организованных грабителей, делавших набеги и взимавших дань с побежденных (стр. 16, Н. И.).

2. В виде дружин, которые нанимались славянскими князьями в качестве наемного войска.
3. Реже в виде купцов.

В исландских сагах говорится, что варяги заключали погодные контракты и имеются даже указания на суммы, которые уплачивались воинам-варягам и их начальникам (стр. 18). Достоверно известно, что Великий Князь Владимир Святой захватил Киев при помощи нескольких тысяч варягов — наемников (стр. 71). Нужно считать установленным, что среди славян был давний обычай приглашать варягов-воинов, используемых, как наемное войско. В известных случаях это войско было немалым, и тогда спрос на варягов был большим. Но если был спрос, то по основному экономическому закону должно было быть при благоприятных условиях и предложение. Если это так, то, несомненно, должны были существовать, говоря современным языком, вербовочные центры, в которых накапливались люди, желавшие стать наемными воинами. В такие центры могли приходить ходоки от славян, в частности от Руси, с тем, чтобы через них нанять нужное число (иногда тысячи) варягов-воинов. Не трудно предположить, что вербовочный центр, где чаще всего появлялись представители Руси по найму варягов, носил название «Русь».

Известно, что институт наемного войска был, конечно, не только у славян, но и у других народов: греков, германцев, англичан и т. д., которым тоже, подчас нужны были тысячи воинов — варягов.

Каждый из этих народов говорил на своем языке и имел свою собственную «военную доктрину» (стр. 55). Значит, естественно предположить, что существовали вербовочные центры для набора варягов и для других народов: «Своев», «Урманов», «Англян» и т. д. — таких же, какой был для Руси. Об этом-то, повидимому, и говорится в Лаврентиевской летописи, т. е. в ней, когда перечисляются Русь, Свое, Урмане, Ан-

гляне и т. д., подразумеваются не племена или народы с этими названиями, а подразумеваются вербовочные центры с этими названиями, где можно было нанять воинов — варягов.

Если эти соображения правильны, тогда интересующий нас отрывок Лаврентиевской летописи с объяснительными словами, которые ставлю в скобки и подчеркиваю, гласил бы так:

«Реша сами в себе: «поищем себе князя, иже володел нами и судил по праву». Идоша за море к Варягам к *(вербовочному центру для)* Руси, сице бо зваху тьи Варязи *(в вербовочном центре)* Русь, яко се друзии *(в своих вербовочных центрах)* зовутся Свои, друзии же Урмане, Англяне, друзии же Гъти; тако и си.»

При таком толковании летописи, конечно, возникает вопрос, почему же новгородцы, ища себе князя, оказались у варягов в вербовочном центре Русь? Ответ может быть такой: Рюрик мог быть заранее осведомлен о его предстоящем призвании и к моменту прибытия послов из Новгорода был занят набором дружины в варяжском вербовочном центре, в котором обычно набирались наемные воины для днепровской Руси. К ней он прямого отношения не имел (он был призываем на княжение новгородскими Словенами), но он, все же, обратился к вербовочному центру Русь, потому что тренировка варягов, группировавшихся вокруг вербовочного центра Русь, вероятно, была именно такой, какая ему была нужна для его будущей деятельности в Новгороде. Ясно, что военный строй и «военная доктрина» новгородцев мало чем отличалась от таких же днепровских руссов!

Вышеприведенное толкование летописи облегчает понимание и ее дальнейшего текста: «И избрашася 3 братья с роды своими, пояша по себе всю Русь, и придоше (к Словеном и седе) старейший Рюрик в Новгороде....». Выражение «пояше по себе всю Русь» могло бы значить, что Рюрик взял с собой всю наличность варягов в вербовочном центре Русь. Также становится понятным исчезновение «варяжского племени» Русь и утраты каких бы то ни было его следов (стр. 43). Такого «племени» никогда и не было, а был центр для вербовки варягов-наемников, в которых нуждалась Русь. Он свернулся, ничего по себе не оставив, как только прекратилась у Руси надобность в варягах, то есть наемных воинах.

Все написанное здесь есть только попытка проникнуть в точный смысл неясного места в Лаврентиевской летописи. Чтобы сделанные предположения приобрели характер историче-

ской достоверности, необходимо искать (и найти) подтверждения этим предположениям в русских летописях (помимо Лаврентиевской) или в заслуживающих доверия иностранных источниках.

Авг., 1973.

А. Карпов, Кр.К.К.

ПИСЬМО ИЗ САН-ФРАНЦИСКО.

Дорогие Однокашники!

В письме Президиума 3-го Съезда, разосланном всем Объединениям, выразившим желание устроить у себя следующий Съезд, говорится:

«Президиум прошлого Съезда, после всестороннего обсуждения сообщений из Бразилии, Венецуэлы, Европы и Сан-Франциско — США, относительно возможности созыва у них очередного Съезда, пришел к заключению что: 4-ЫЙ СЪЕЗД КАДЕТ РОССИЙСКИХ ЗАРУБЕЖНЫХ КАДЕТСКИХ КОРПУСОВ СЛЕДУЕТ ПРОСИТЬ УСТРОИТЬ КАДЕТ НА ЗАПАДНОМ ПОБЕРЕЖЬЕ США С ЦЕНТРОМ В САН-ФРАНЦИСКО, КАЛИФОРНИЯ».

В связи с этой просьбой, 16-го сентября с. г. в доме Общества Русских Ветеранов I Великой Войны, состоялось Организационное Собрание по поводу созыва 4-го Съезда, на котором было вынесено решение: Съезд устроить в Сан-Франциско, и была принята следующая РЕЗОЛЮЦИЯ: «СОБРАНИЕ, ВЫСЛУШАВ ДОКЛАДЫ И ПРЕДЛОЖЕНИЯ ЧЛЕНОВ ВРЕМЕННОЙ КОМИССИИ И ДЕТАЛЬНО ИХ ОБСУДИВ, ПРИШЛО К ЗАКЛЮЧЕНИЮ, ЧТО ПРИЧИНЫ И ПРИБЛИЗИТЕЛЬНЫЕ УСЛОВИЯ ЯВЛЯЮТСЯ ПРИЕМЛЕМЫМИ ДЛЯ СОЗЫВА 4-го СЪЕЗДА В САН-ФРАНЦИСКО. ДЛЯ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ СОЗЫВА СЪЕЗДА, СОБРАНИЕ ВЫБРАЛО ПОСТОЯННУЮ КОМИССИЮ В СОСТАВЕ 14-ти ЧЕЛОВЕК, С ПРЕДОСТАВЛЕНИЕМ КОМИССИИ ПРАВА КООПТАЦИИ И ПРОСИЛО ПРИНЯТЬ ВСЕ НЕОБХОДИМЫЕ МЕРЫ, ЧТОБЫ СЪЕЗД СОСТОЯЛСЯ В НАМЕЧЕННОЕ ВРЕМЯ ОТ 3-го ПО 11-ое АВГУСТА 1974 ГОДА, ОБЕЩАВ КОМИССИИ НЕОБХОДИМУЮ ПОМОЩЬ ПО ПЕРВОМУ ЗОВУ».

Комиссия уже приступила к работе и в ближайшем буду-

щем разошлет всем Объединениям и однокашникам, чьи адреса имеются, анкеты для желающих принять участие в Съезде с условиями.

Кадеты Западного Побережья приложат все усилия, чтобы 4-ый Съезд был успешным и воспоминания о нем были бы самыми лучшими и надолго остались бы в памяти его посетивших.

И ТАК ВСЕ НА 4-ый СЪЕЗД!!! ВАС ЖДУТ!!!

Ю. Т.

БИБЛИОГРАФИЯ

«ПО ДОРОГАМ»

Книга Игоря Автамонова «По дорогам» — не требует нашей рекомендации: у нее и так «хорошая пресса» и похвальные отзывы таких эмигрантских олимпийцев, как Юрий Терапиано (парижская «Русская Мысль»), Виктор Морт («Русская жизнь», Сан Франциско) и другие.

Но у нас к нему особое чувство: он н а ш писатель, наш кадет, мы им гордимся, и потому настоятельно советуем всем нашим читателям, приобрести в свою библиотеку эту книгу.

Книга написана легким, простым языком, позволяющим читателю все внимание отдать самому содержанию рассказа.

Темы же этих рассказов, настолько близки всем нам, что, поневоле, читая почти каждый из них, вспоминаешь подобный же случай и из своей жизни.

Чувствуется, что основной смысл всей книги, не только увлечь читателя захватывающими темами рассказов, но осудить, бескомпромисно осудить то зло, которое исковеркало судьбу нескольких поколений, лишив их нормальной человеческой жизни и бросило в водоворот событий, невольными участниками и жертвами которых оказались мы все.

Не будем останавливаться на каждом отдельном рассказе — оставим это читателям. Не остановимся даже, на рассказе «Четыре письма», которые многие считают центральным в книге. Взгляды, высказанные в нем, настолько субъективны и оригинальны (но и спорны), что нельзя навязывать читателю мнения о них. Нужно расказ прочесть и продумать!

Почти во всех рассказах говорится о человеческом горе. Но ведь действительно, в нашу эпоху, его нам отпущено в изобилии. Но особенно трагична, речь старика-пастора, в рассказе «Мумия»:

— «Мне легко сейчас обращаться к вам, так как все вы люди ученые. Вы, такие хорошие по душе, такие исполнительные, обязательные, дисциплинированные. Вы такие умные, способные анализировать, создавать теории, изучать закономерности. Мир убивает людей — и таких как вы, и менее образованных, и совсем необразованных, но людей — ваших братьев! Как смеете вы бросать своих младших братьев на произвол и на волю напористых бродяг, на волю фанатиков и одержимых, на волю тех, кто не умеет логично мыслить, не имеет понятия о правде и о долге, не уважает человеческих прав, не ценит человеческой жизни. Они приводят к безумию, к насилию, к войне. И не умывайте руки, как Пилат умыл!»...

Прочтите эту книгу. Обязательно прочтите!

А. Родзевич

ПАМЯТИ УШЕДШИХ

ЕЩЕ ОДНА СВЕЖАЯ МОГИЛА

Обще-Кадетское Объединение в г. Торонто (Канада) Имени Е.И.В. Вел. Княгини Ольги Александровны с чувством глубокой скорби извещает, что 29 октября 1973 года после продолжительной и тяжкой болезни скончался

АЛЕКСЕЙ НИКОЛАЕВИЧ ЖУКОВ

кадет 10-го выпуска 1 Русского Великого Князя Константина Константиновича Кадетского Корпуса, деятельный член и бессменный Казначей Объединения.

Покойный Лека родился в г. Рига 13-го ноября 1910 года. Свое образование получил в Корпусе, который окончил в 1930 году. Высшее образование получил в Белградском Университете, закончив Технический факультет с дипломом инженера.

Долгое время работал на большом заводе тяжелой промышленности в г. Босански Брод, занимая должность начальника отделения, проработав на этой должности до конца второй мировой войны, затем в 1946 году был переведен в г. Белград в Министерство Здравоохранения. Здесь, работая в Министерстве, пок. Лека отличился своим изобретением аппарата для анестезии, который выпущен был на рынок и изобретенная им аппаратура получила высшую оценку специалистов. За свою работу и изобретение получил правительственную награду.

В 1950 году переезжает со своей семьей в Канаду, где один год по контракту работает тяжелым физическим трудом на лесопилке; по окончании контракта поступает в г. Торонто в

строительную фирму, где работает инженером, выполняя многочисленные работы по постройке больших зданий, театра, отелей и, ставшей атракцией для посетителей г. Торонто здания городской управы. На этой должности год тому назад заболел.

Покойный Лека принимал самое деятельное участие в жизни Объединения с его основания, будучи казначеем, через его руки прошла вся многочисленная помощь оказываемая всем попавшим в беду нашим однокашникам, воспитателям и преподавателям всех кадетских корпусов.

В жизни своей покойный был кротким, тихим, добрым, отзывчивым, любящим и заботящимся отцом. После смерти остались осиротевшие: супруга Алла Сергеевна, дочь Зинаида, сын Николай и бабушка Зинаида Афанасьевна Вечерко. Мы кадеты всецело разделяем их горе и выражаем наше искреннее и сердечное соболезнование.

Мир праху Твоему, дорогой Лека.

Торонтцы.

ЕЩЕ ОДНА УТРАТА...

7-го октября 1973 года в Мюнхене, от сердечного припадка скончался

АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ НЕЙМИРОК.

Княжеконстантиновец X-го выпуска, лесной инженер и незаурядный поэт, чьи стихи вошли во все зарубежные альманахи, пользовался симпатией и любовью своих товарищей.

Родился он в августе 1911 года в Киеве. Выехал с родителями в 1920 г. в Югославию, в1922 г. поступил в Корпус в Сараево и кончил его в 1930 году в Белой Церкви. Не первоклассный строевик, «Додик» Неймирок на всю жизнь остался ярко выраженной «поэтической натурой», с порывистыми движениями, непокорно торчащими вихрами и несходящей с лица доброй улыбкой.

Его не удовлетворяла полуканцелярская работа лесного инженера, и он всю свою жизнь отдал идеологической работе,

борьбе со злом, овладевшим нашей Родиной. Был широко образованным человеком с необозримым кругом интересов. В разные годы сотрудничества во многих органах печати, под собственным именем или под псевдонимами А. Николин или А. Немиров. Вышли его книги: «Стихи» (1946), «Дороги и встречи» (1947) и «День за днем» — сборник стихов (1953).

Во время войны он проник в оккупированную Украину, в свой родной Киев, и вел там нелегальную национальную работу. По своей натуре, не удержавшись в разумных границах, — попадает в немецкую тюрьму.

Вернувшись на Запад, продолжает свою деятельность среди военнопленных и «восточных рабочих». В 1944 г. попадает в немецкий концлагерь, где и подрывает свое здоровье. В 1945 году был освобожден американцами из лагеря Дахау.

После войны продолжил свою работу, на которой и сгорел...

Спи спокойно, Додик. Ты честно и стойко выполнил свой долг!

А. Р.

26 августа 1973 года в Бразилии

скончался

полковник 9-го Гусарского Киевского Полка

АЛЕКСАНДР КОНОНОВИЧ ГРЕЩЕНКО

б. воспитатель Крымского и Русского Кадетских Корпусов.

В гор. Лейквуде скончался и похоронен

ИГОРЬ ВАСИЛЬЕВИЧ БОЩАНОВСКИЙ

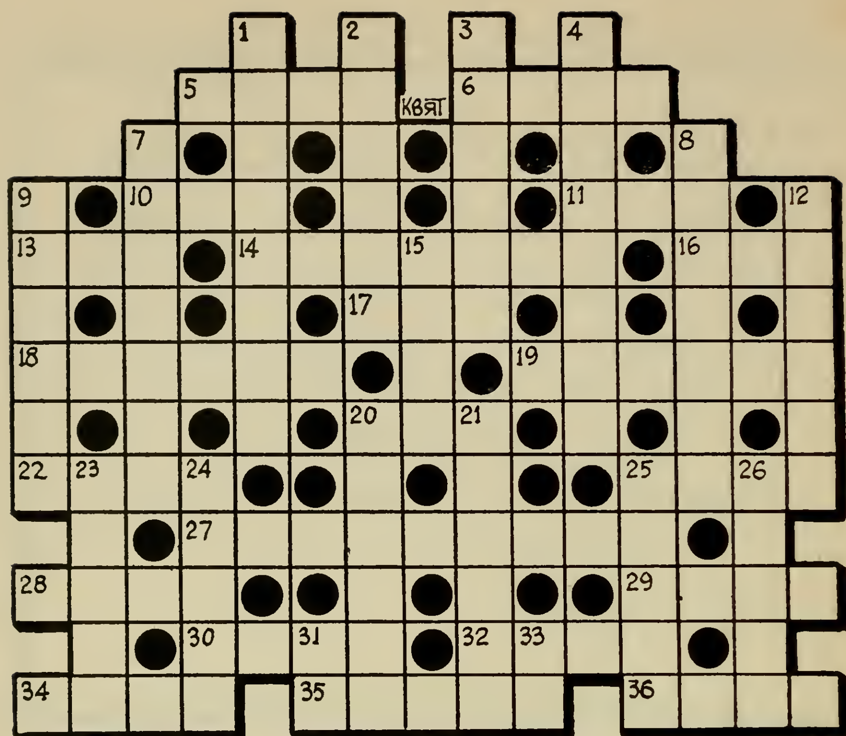
сын духовника и законоучителя
Зарубежных Кадетских Корпусов
пок. протопресвитера о. Василия
Бощановского.

Покойный учился экстерном в Кр. Кад. Кор. и получил матуру в 1928 году.

Мир его праху.

14-го октября 1973 г. скончалась в Белграде

ЕЛЕНА МИХАЙЛОВНА ПРОМТОВА
дочь генерал-лейтенанта
Михаила Николаевича Промтова,
директора Крымского Кадетского Корпуса

КРЕСТОСЛОВИЦА № 4

Горизонтально: 5) Драчун. 6) Кавалерист. 10) Река в Сибири, 11) Местоимение, 13) Часть театральной пьесы. 13) Приправа к кушаньям. 16) Упоминается в связи с основанием Киева. 17) Дерево, 18) Нередко делалось в связи с №4 вертикально, 19) Последствия неудачного №4 вертикально. 20) Река в Азии, 22) Церк. слав. буква. 25) Фрукт. 27) Город в кот. был Кад. Корпус. 28) Часть суток. 29) Время когда мы впитываем в себя науку. 30) Ловкий прием. 32) Кумир. 34) Женское имя. 35) Птица. 36) Полудрагоценный камень.

Вертикально: 1) Шалость в младших классах Кад. Кор., 2) В середине. 3) Растение, куст. 4) Отсутствие без разрешения начальства. 7) Русская монета. 8) Жезл с переплетенными змеями, 9) Производится для определения числа присутствующих в строю, 12) Роман Пажнвина. 15) Мужское имя. 20) Порт на севере Сибири, 21) Метательное оружие, 23) Три копейки 24) Спорт, 25) Хищная рыба. 26) Музыкальный инструмент. 31) Страна света. 33) Подтверждение.

(Решение крестословицы на стр. 61).

Printed by "Monastery Press", 8011 Champagneur Ave., Montreal, Que. Canada.
Типографія Братства Преп. Іова Почаевскаго.